

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Эмотивно-оценочная лексика, репрезентирующая гнев (на материале
автобиографических повестей Л. А. Кассиля «Конduit и Швамбрания» и
М. М. Колосова «Три куля черных сухарей») (к изучению лексики
русского языка в школе)

Выпускная квалификационная работа по направлению
44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)

Направленность программы бакалавриата

«Русский язык. Литература»

Форма обучения: очная

Проверка на объем заимствований:

43,81 % авторского текста

Работа рекоменд к защите
рекомендована/не рекомендована

« 10 » 06 2026 г.

зав. кафедрой русского языка и литературы

Глухих Н.В.

Выполнила:

Студентка группы ОФ-524-075-5-1

Печинкина Мария Станиславовна

Научный руководитель:

канд. филол. наук, доцент

Латюшина Виктория Анатольевна

Челябинск
2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ИЗУЧЕНИЕ ЭМОЦИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	6
1.1 Эмоции как ведущий термин исследования.....	6
1.2. Способы выражения эмоций: вербальные и невербальные	11
1.3. Особенности повестей Л. А. Кассиля «Кондуит и Швамбрания» и М. М. Колосова «Три куля черных сухарей»	17
ГЛАВА 2. ЭМОТИВНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩАЯ ГНЕВ В ПОВЕСТЯХ Л. А. КАССИЛЯ «КОНДУИТ И ШВАМБРАНИЯ» И М. М. КОЛОСОВА «ТРИ КУЛЯ ЧЕРНЫХ СУХАРЕЙ»	22
2.1. Эмотивно-оценочная лексика, репрезентирующая гнев, в повести Л. А. Кассиля «Кондуит и Швамбрания»	25
2.2. Эмотивно-оценочная лексика, репрезентирующая гнев, в повести М. М. Колосова «Три куля черных сухарей».....	36
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	45
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	48
ПРИЛОЖЕНИЕ	53

ВВЕДЕНИЕ

Эмоции. Они помогают человеку жить. Эмоции делают нашу жизнь разнообразной и интересной, а изучение эмоций помогает познать чувственную сторону человеческой жизни.

Долгое время проблема эмоций была сферой компетенции психологов, психиатров и философов, однако в конце 80-х годов XX века было положено начало изучению эмоций человека в отечественной филологии и появилась наука *эмотиология* – дисциплина, сформированная на стыке психологии и языкознания. Эта область гуманитарного знания синтезирует в себе достижения не только психологии и лингвистики, но и этнологии, социологии, философии, литературоведения.

Сегодня проблемами эмоций в языке и речи занимаются такие ученые, как Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Л.Г. Бабенко, Л.М. Васильев, А. Вежбицкая, Ю.Н. Караулов, В.И. Шаховский и др. В науке о языке достаточно представлено работ, посвященных характеристике тех или иных эмоций, однако данная проблема не была рассмотрена на материале повестей Л.А. Кассиля «Кондуит и Швамбрания» и М. М. Колосова «Три куля черных сухарей», а ведь художественная литература представляет собой наиболее удобную среду для изучения функционирования эмоций в речи и в языке.

Кроме того, далеко не всегда человеческие эмоции бывают положительными. Актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью изучения эмоционального фона переломной эпохи 1-ой пол. XX века через призму языковых средств выражения гнева. В связи с этим в работе ставится вопрос о степени распространённости гнева в обществе, изучаемого периода, а также о том, занимало ли данное эмоциональное состояние центральное место среди других эмоций эпохи. Указанные вопросы обуславливают актуальность исследования.

Цель нашей работы – выявить специфику эмотивно-оценочной лексики, репрезентирующей *гнев* в автобиографических повестях Льва Абрамовича

Кассиля «Кондуит и Швамбрания» и Михаила Макаровича Колосова «Три куля черных сухарей».

Данная цель предполагает решение следующих задач:

1. Изучить понятие «эмоции» в лингвистике;
2. Рассмотреть способы выражения эмоций: вербальные и невербальные;
3. Определить особенности автобиографических повестей Л. А. Кассиля «Кондуит и Швамбрания» и М. М. Колосова «Три куля черных сухарей»;
4. Проанализировать эмотивно-оценочную лексику, репрезентирующую гнев, в повестях «Кондуит и Швамбрания» и «Три куля черных сухарей»;

Объектом настоящего исследования послужил текст двух автобиографических повестей Л. А. Кассиля «Кондуит и Швамбрания» и М. М. Колосова «Три куля черных сухарей».

Предмет исследования — эмотивно-оценочная лексика, репрезентирующая гнев, в повестях Л. А. Кассиля «Кондуит и Швамбрания» и М. М. Колосова «Три куля черных сухарей».

Материалом для исследования послужила картотека с эмотивно-оценочной лексикой, репрезентирующей гнев, собранная методом сплошной выборки из текста повестей Л.А. Кассиля «Кондуит и Швамбрания» и М. М. Колосова «Три куля черных сухарей». Мы обратили внимание, что в обоих произведениях много персонажей разных возрастов, которые ярко выражают свои эмоции. Именно этим обусловлен выбор материала исследования.

Метод, которым мы пользовались в нашей работе, называется описательным. Его особенность состоит в том, что мы описываем наш предмет с разных сторон: отбираем материал, разбиваем его на группы и делаем выводы.

Практическая ценность нашей работы состоит в том, что материалы

работы могут быть использованы в практической работе на уроках русского языка, на занятиях по стилистике, лингвистическому анализу текста, при обучении речевому общению и культуре речи, при анализе художественного произведения на уроках литературы.

ГЛАВА I. ИЗУЧЕНИЕ ЭМОЦИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

1.1 Эмоции как ведущий термин исследования

За последние 10 – 20 лет в лингвистической науке возрос интерес к изучению человека и его сознания, в связи с чем перед исследователями встаёт вопрос: какими средствами описываются эмоции в художественной литературе.

В теме нашей работы ключевым является слово *эмоции*, поэтому мы обратились к различным источникам, чтобы выяснить его значение. Эмоции представляют собой междисциплинарный предмет изучения, поскольку данное явление исследуется философами, психологами, лингвистами в рамках их научных направлений.

В толковых словарях представлено лаконичное значение слова *эмоция*. Так, С.И. Ожегов дает такое определение: «душевное переживание, чувство» [29. с. 1363]. У Т.Ф. Ефремовой в «Новом словаре русского языка. Толково-словообразовательном» находим следующее толкование: «реакция субъективного характера на воздействия внутренних и внешних раздражителей» [11. с. 1056]. Л.Г. Бабенко приводит следующее значение: «внутреннее психическое состояние человека, душевное переживание, обычно вызванное какими-либо событиями, явлениями, другими эмоциональными переживаниями и проявляемое в поведении, жестах, в физиологическом состоянии человека» [3. с. 186]. Проанализировав данные словарей, можно прийти к выводу, что *эмоция* – это душевное переживание, чувство; реакция на раздражение; внутреннее психическое состояние с внешними проявлениями.

В психологии термин *эмоции* изучают с точки зрения эволюции, потребностей индивида и движущих сил человека. Например, К.Э. Изард – американский психолог, специалист в области психологии эмоций, пишет о том, что эмоции могут рассматриваться как в узком, так и в широком смысле [13]. В узком смысле термин «эмоции» трактуется как «нечто, что

переживается как чувство, которое мотивирует, организует и направляет восприятие, мышление и действия» [13. с. 69].

Если же мы говорим о термине в его в широком смысле, то К.Э. Изард пишет, что это сложный феномен, включающий в себя нейрофизиологический компонент (то, что происходит внутри тела), двигательно-экспрессивный (то, что проявляется на лице, в голосе, в позе) и чувственный компонент (что мы ощущаем; личное переживание); Двигательно-экспрессивный, нейрофизиологический и чувственный компоненты являются результатом эволюционно-биологических процессов [13. с. 69].

В отечественной психологии эмоции понимаются как механизм адаптации и регулятор поведения. Так, П. В. Симонов определяет эмоции как «отражение мозгом человека и животных какой-либо актуальной потребности» [33. с.170 6]. Л.С. Выготский, развивая сходную линию, но с акцентом на регуляцию поведения, понимает эмоции как «внутренний организатор поведения, который возникает при нарушении равновесия со средой: если человек осознаёт своё превосходство над трудностями, возникают положительные эмоции, если беспомощность – отрицательные (гнев, страх, печаль)» [34. с. 95].

Долгое время в психологии эмоции и разум языковой личности многими учёными разводились по разным сторонам. Теперь уже не вызывает сомнения, что психика, сознание и язык тесно взаимосвязаны и что в любом языке имеются эмотивные знаки, с помощью которых вербализуется эмоциональное отношение человека к миру [44. с. 31].

В отличие от психологии, где эмоции понимаются как психический процесс, отражающий субъективное отношение к ситуациям, в лингвистике акцент смещается на языковую репрезентацию эмоциональных состояний и способы их вербализации.

Еще в XIX веке швейцарский лингвист Ш. Балли отмечал, что «невозможно построить языковую систему без учета личностных качеств,

чувств и эмоций человека. Эмоциональное отношение является одной из важнейших составных языкового компонента» [1. с. 9].

В.И. Шаховский, основавший в 1988 году новое междисциплинарное направление лингвистических исследований – эмотивную лингвистику, считает, что эмоции «выступают в роли посредника между миром и его отражением в языке, то есть отражают отношение человека к объектам реального мира» [42. с. 6]. Из этого следует, что «язык выступает в качестве инструмента для изучения эмоций и является объектом их изучения, а человек рассматривается не только как существо разумное – *homo sapiens*, но и как чувствующее – *homo sentiens*, поскольку говорит и чувствует одновременно» [22. с. 9].

Л.Г. Бабенко в своей монографии «Лексические средства обозначения эмоций в русском языке» [4] утверждает, что эмоции представляют собой «особую, своеобразную форму познания и отражения действительности, так как в них человек выступает одновременно и объектом, и субъектом познания, то есть эмоции связаны с потребностями человека, желаниями и основной его деятельностью» [4 с. 10]. Именно поэтому, по мысли В.И. Шаховского, эмоции тесно связаны со знаниями: «меняются знания и мысли, и это влечет изменение эмоций человека» [44. с. 30]. Более того, учёный подчёркивает изменчивость эмоций во времени и в коммуникации: «по-разному возрасту человека “приписаны” свои эмоции, различным поколениям людей свойственны более и менее различные доминантные эмоции (сравним XVIII век сентиментальности и сенсуальности, а XXI век прагматизма и жестокости)» [44. с. 31]. В итоге, как резюмирует сам исследователь, «эмоции пронизывают всю коммуникативную деятельность человека на протяжении всей его жизни» [42. с. 21].

Однако лингвистический анализ эмоций осложнён: в психологии до сих пор нет целостной теории эмоций, что затрудняет изучение их речевого выражения. Как пишет Л.Г. Бабенко в своей работе «Лексические средства обозначения эмоций в русском языке» [4], в психологии до сих пор не решена

задача построения целостной, многоуровневой психологической теории эмоций, что создаёт сложности для лингвистов при анализе эмоциональной вариативности речи. Кроме того, существует множество классификаций эмоций, выполненных на разных основаниях (психологи насчитывают более 500 различных эмоций), поэтому перечень основных эмоций не установлен окончательно ни в психологии, ни в физиологии [4 с. 6].

Единой утверждённой классификации эмоций не существует, поэтому для лингвистического исследования важно обратиться к наиболее признанным в психологии подходам, которые позволяют системно представить структуру эмоциональной сферы. Наша задача – рассмотреть две классификации – К.Э. Изарда и Е.П. Ильина, – чтобы определить, какое место в них занимает эмоция гнева и почему.

К.Э. Изард, посвятивший большую часть своей научной карьеры изучению эмоций, выделил 10 базовых (фундаментальных) эмоций:

1. *Интерес* – интеллектуальная эмоция, которая улучшает способность человека воспринимать и обрабатывать информацию из окружающей среды;
2. *Радость* – положительная эмоция, связанная с возможностью полностью удовлетворить потребности человека;
3. *Удивление* – эмоция, которая не имеет ярко выраженной положительной или отрицательной окраски; она возникает как реакция на неожиданное событие.
4. *Дистресс* (горе / страдание) – отрицательная эмоция, связанная с получением информации о невозможности удовлетворения важных жизненных потребностей;
5. *Гнев* – эмоциональное состояние, протекающее в форме аффекта и вызываемое внезапным появлением серьёзного препятствия на пути удовлетворения крайне важной для субъекта потребности;

6. *Отвращение* – негативная эмоция, возникающая при столкновении с определёнными объектами, противоречащими моральным или идеологическим убеждениям индивида;

7. *Презрение* – отрицательная эмоция, которая возникает в рамках межличностных взаимодействий и приводит к различиям в жизненных принципах и ценностях;

8. *Страх* – негативная эмоция, возникающая при восприятии субъектом воображаемой или реальной угрозы;

9. *Стыд* – отрицательная эмоция, отражающая несоответствие собственным или общественным стандартам;

10. *Вина* – отрицательная эмоция, представляющая собой переживание, возникшее из-за нарушения морально-этических принципов; [13].

В классификации К. Изарда порядок перечисления является функционально-диагностическим. Гнев занимает в этом перечне пятую позицию, открывая группу активных негативных эмоций, что отражает логику перехода от пассивных форм реагирования на фрустрацию (горе) к активным (гнев), а затем – к физиологически и социально детерминированным аффектам (отвращение, презрение, страх, стыд, вина) [14].

В отечественной психологии советско-российский учёный И.А. Ильин в своей работе «Эмоции и чувства» [14] создал иную классификацию, которая основана на характере ситуаций или видов основной деятельности, в которых возникают те или иные эмоции:

1. Эмоции ожидания и прогноза: волнение, тревога, страх, отчаяние;
2. Удовлетворение радость;
3. Фрустрационные эмоции: обида, разочарование, досада, гнев, исступление, печаль, уныние, тоска и ностальгия, горе;
4. Коммуникативные эмоции: веселье, смущение, смятение, стыд, вина как отражение совести, презрение;

5. Интеллектуальные эмоции / аффективно-когнитивные комплексы: удивление, интерес, чувство юмора, эмоции догадки, чувство уверенности – неуверенности (сомнения) [14].

В классификации И.А. Ильина гнев относится к фрустрационным эмоциям и занимает 3-е место как в общей структуре перечня, так и внутри своей группы. Очередность групп в классификации соответствует временным этапам деятельности: сперва возникают эмоции ожидания и прогноза (1), затем – удовлетворение и радость при успешном достижении цели (2), и только после столкновения с препятствием, когда ожидания не оправдались, появляются фрустрационные эмоции (3), к которым относится и гнев [15].

1.2. Способы выражения эмоций: вербальные и невербальные

Большинство наших эмоций так тесно связаны с их внешним проявлением, что сами по себе эти эмоции практически не существуют, когда тело находится в состоянии покоя. В связи с этим в своей работе мы рассмотрим два способа выражения эмоций: язык тела и речь.

Гнев – заразительная эмоция, но редко встречается в чистом виде. В нем всегда есть примесь других переживаний: от презрения до ужаса. Чарльз Дарвин в своих наблюдениях показал, что то, что мы называем гневом в действительности сложный психофизиологический комплекс. И главным является значимость обидчика. Если он ничтожен, то гнев сливается с пренебрежением. Если он могуществен – ненависть смешивается со страхом, и тогда появляется ужас [9].

Ярость вызывает дрожь, паралич губ, хриплый голос, быструю речь, волосы встают дыбом, глаза наливаются кровью, зрачки сужаются. Губы выпячиваются или оттягиваются, обнажая стиснутые зубы; могут появляться слезы [9].

Жестикуляция становится сильной, резкой, нескоординированной, походка – размашистой, скачкообразной, быстрой. Если взрослый или ребенок в порыве гнева кричит кому-то «Уходи!», он обычно совершает руками

отталкивающие движения по направлению к обидчику, даже если в этих жестах нет необходимости. Это доказывает, что «речевая жестикуляция» доказывает, как тесно в эмоции сплетаются вербальные и невербальные способы выражения. [9].

Но все же язык тела, насколько ни был бы он выразителен, не исчерпывает всех способов передачи эмоционального состояния человека. Не менее значимую роль играют языковые средства.

Результаты исследований эмотивных единиц языка (А. Вежицкой, Д.А. Романова, В.И. Шаховского, Л.А. Пиотровской и др.) демонстрируют, что в процессе выражения эмоций задействованы языковые единицы абсолютно всех уровней языка: фонетический, морфологический, лексический, фразеологический, и синтаксический [21].

В исследовании звуковой семантики выделяют подход ассоциативный (базируется на ассоциациях среднестатистического человека, связывающих звук с реальными характеристиками: объёмом, размером, скоростью и др) [30. с. 9]. Так, Д.А. Романов, опираясь на исследования фонетической семантики (Р. Якобсон, Г. Фант, М. Халле, М. В. Панов), доказывает, что коррелятом звука выступает эмоция, а эмоциональное фонетическое значение (ЭФЗ) формируется на основе опыта употребления слов определённого акустического состава в типичных эмоциональных ситуациях общения [30. с. 8].

Все звуки распределяются по трем категориям: 1) звуки с отчетливым ЭФЗ ([Р] – гнев-ярость; [Ф] – отвращение); 2) звуки со смешанным (контаминированным) ЭФЗ: ([Ж], [З] – гнев-ярость + отвращение; [Ф] [Ф'] – отвращение + презрение + гнев); 3) и звуки с нейтральным ЭФЗ [31].

Д.А. Романов отмечает, что на текстовом уровне автор подсознательно отбирает лексику со звуками той эмоции, которую испытывает персонаж, а их концентрация в тексте создаёт его общее эмоциональное значение [31 с. 19].

К фонетическим средствам языка, позволяющим выражать эмоции и влиять на эмоциональное состояние слушателя, относятся аллитерация,

рифма, звукоподражание и ритм. Эти инструменты обладают широкими возможностями для передачи эмоций, однако они эффективны только при сочетании с единицами других уровней языка [26].

На морфологическом уровне эмотивность реализуется через аффиксы, передающие эмоциональное отношение говорящего к предмету речи. В. И. Шаховский их именует «аффиксами эмотивно-субъективной оценки, подчеркивая наличие эмотивной коннотации в их семантике, а слова, которые образованы с помощью таких аффиксов, называются эмотивными дериватами» [43. с. 23]. Суффиксы эмотивно-субъективной оценки полисемичны и в зависимости от контекста могут выражать даже противоположные значения. Например, «уменьшительно-ласкательные суффиксы могут передавать отношение от ласкового до уничижительного: *Егорка, Катька, собачка, девка*» [6. с. 147-149], а «увеличительные суффиксы – от грубости, пренебрежения, неодобрения до восхищения и удивления говорящего: *грубиянище, человечище*» [18. с. 242]

Среди всех языковых уровней (фонетического, морфологического, синтаксического) именно лексический уровень играет доминирующую роль в репрезентации эмоций, поскольку именно здесь эмоциональное содержание получает наиболее полное и разнообразное выражение.

Лингвист А. В. Кинцель, являющаяся сторонницей теории потенциальных эмотивов, полагает, что любым словом можно выразить эмоцию в подходящем контексте, поскольку незначительные компоненты содержания понятия об объекте могут получить эмоциональное осмысление [17. с. 39].

На лексическом уровне в лингвистике сформировался новый пласт лексики — эмотивная лексика. Введение этого понятия связано с именем В. И. Шаховского, считавшего, что эмотивная лексика определяется как «имманентное свойство языка выражать психологические (эмоциональные) состояния и переживания человека» [11. с. 114]. Исследователь выделяет следующие группы эмотивной лексики: «1) аффективы – слова, в лексическом

значении которых присутствует только эмотивный компонент (*дорогуша*); 2) коннотативы – слова, где эмотивный компонент находится в статусе коннотации (*осёл*); 3) потенциальные эмотивы – нейтральная лексика, приобретающая эмотивность в определенной речевой ситуации» [41. с. 46].

Л. Г. Бабенко относит к эмотивной лексике: «1) слова-аффективы (*междометия, междометные слова, бранную лексику*); 2) слова с эмотивностью в созначении; 3) слова, непосредственно называющие эмоции» [4. с. 4].

И. Б. Голуб в качестве лексем-эмотивов выделяет: 1) эмоционально окрашенные метафоры (*тряпка*); 2) слова с ярким оценочным значением (*брюзга, безответственный*); 3) слова с суффиксами субъективной оценки [8].

Приведенные классификации демонстрируют, что независимо от способа группировки эмотивной лексики (аффективы, коннотативы, потенциативы) её ядро составляет понятие *коннотации* — «дополнительное, сопутствующее смысловое приращение языковой единицы» [28. с. 600].

Так же коннотативный аспект, по мнению Н. И. Коробкиной, раскрывается в окказиональном словообразовании, обладающее высоким эмотивным потенциалом: «окказиональное словообразование является действенным средством повышения экспрессивности речи за счет эмотивного потенциала, сокрытого в коннотативном аспекте значения новообразования» [21. с. 160]. В зависимости от коммуникативной ситуации такие слова могут нести положительную (*вкусмайлики, счастьяца*) или отрицательную (*алкоголодранец, ханастезиолог*), а также выступать в качестве потенциативов — лексических единиц, приобретающих эмотивную окраску только в определённом контексте (*покертокс, ливневый снегопад*) [20. с. 161–162. 36].

В приведенных выше классификациях можно отметить, что значительная часть эмотивной лексики содержит оценочный компонент: ласковые обращения (*дорогуша*), бранные номинации (*болван*), лексика с положительной или отрицательной коннотацией (*осел*), а также

окказионализмы (*счастища, алкоголодранец*). В связи с этим в лингвистике выделяется пласт эмотивно-оценочной лексики, где эмоция и оценка неразрывно связаны друг с другом.

Понятие эмотивно-оценочная лексика, по мнению Е. А. Адамович, «тесно связано с коннотативным элементом лексического значения и представляет собой пласт лексики, выражающей субъективное отношение адресата к предмету речи, его одобрение либо неодобрение» [2. с. 8-9].

Составители словаря лингвистических терминов [35] выделяют три группы эмотивно-оценочных слов: «1) в самом значении слова заключен элемент оценки (*восславить, дерзание*); 2) оценка заключена в переносном значении слова (*о человеке: орел, кипятиться*); 3) субъективную оценку выражает суффиксы (*бабулечка, человечек*)» [35. с 467].

Эмоциональный и оценочный компоненты встречаются в разных инвективных сочетаниях [29].

Среди наиболее важных исследований инвективной лексики можно отметить монографию В. И. Жельвиса «После брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира» [12]. В своей работе он определил *инвективную лексику* как «тот раздел общенационального словаря, который, с одной стороны, неcodифицированно (не разрешен к использованию в лингвокультурной ситуации), а в крайней своей части даже категорически запрещен (табуирован); с другой стороны он должен быть известен всем носителем языка в данной социальной (под)группе» [12. с. 11].

О намеренном употреблении инвективной лексики пишет В. В. Посиделова в своей статье «Лингвистический и правовой аспекты инвективной лексики русского языка» [30]: «употребление инвективной лексики (от лат. *investiva* (*oracio*) – бранная речь) содержит намерение обидеть или унижить участника коммуникативного акта» [30. с. 13]. Автор этой статьи к инвективам относит: «1. мат, нецензурная лексика (обсценные слова); 2. Лексика со сниженной стилистической окраской (сленг, жаргон, вульгаризм, диалектизмы, просторечия); 3. Грубо-просторечная (бранная лексика); 4.

Литературная лексика с отрицательной оценкой в презрительной модальности» [30. с. 14].

«Каждый народ использует свои негативные характеристики для выражения общего эмоционального состояния, отождествляя адресата с различными объектами действительности, так как в разных социумах исторически складываются свои критерии оценки поведения личности, менталитет и т. п.» [30. с. 14.]. Это важно отметить, так как культурно обусловленные способы выражения отрицательных эмоций через отождествление адресата с объектами действительности не являются универсальными, а отражают модели мышления и оценки, присущие определенной локальной среде.

Итак, на лексическом уровне абсолютно любая лексика может приобретать эмотивное значение в определённой речевой ситуации. Языковая реализация эмоций на лексическом уровне осуществляется тремя способами: денотативно (называние эмоции), коннотативно (оценочное или образное созначение) и прагматически (зависимость от контекста и ситуации общения) [21. с. 11].

Отдельным языковым уровнем выделяют фразеологический. Фразеологизмы называют эмоции или передают их только через коннотативный компонент своего значения, реализуя эмоциональность денотативно или коннотативно (*дары данайцев*) [32].

До Д. А. Романова лингвисты не систематизировали фразеологизмы, выражающие эмоции. А Д. А. Романов в своей диссертации «Языковая репрезентация эмоций: уровни, функционирование, и системы исследований» [32] создал классификацию фразеологизмов – «первичные и вторичные. Первичные – представляют эмоцию непосредственно, называя ее (*прыгать от радости*) или опосредованно (*быть на седьмом небе от счастья*). Вторичные – демонстрируют эмоцию через описание ее невербального проявления (*потирать руки*)» [32. с. 33].

На синтаксическом уровне эмотивность реализуется через особые типы конструкций: собственно эмотивные высказывания – непредикативные, аморфные и синтаксически автономные реплики-коммуникативы, выражающие исключительно эмоции (например, слава богу). Под *фразеологизированными коммуникативами* мы, вслед за Н. Ю. Шведовой, подразумеваем конструкции с вариативным лексическим наполнением, являющиеся готовыми синтаксическими образованиями (например, *тоже мне + знаток / помог / хороший*) [46].

Лингвист Е. Д. Соколова выделяет на синтаксическом уровне *эмотивно-осложненные высказывания* – предикативные единицы, в которых наряду с объективной информацией присутствует выражение эмоций автором. Эмотивно осложнение достигает за счет: вопросительных, восклицательных и отрицательных предложений («*Я ненавижу здесь все!*» [36. с. 12]), риторических вопросов («*Разве не прекрасна каждая травинка, наполненная пахучим соком, и каждое семечко липы?*» [36. с. 13]), риторических обращений и восклицаний, синтаксического параллелизма, повторов («*И слава богу. И слава богу*» [36. с. 13]), инверсий, парцелляции, эллипсиса, оксюморона, градации, антитезы [36].

1.3. Особенности повестей Л. А. Кассиля «Кондуит и Швамбрания» и М. М. Колосова «Три куля черных сухарей»

Автобиографическая повесть о детстве в русской литературе XX века никогда не была просто хроникой взросления. Мы наблюдаем, как формируется личность под давлением эпохи, как исторические события преломляются в детском сознании. Примерами таких повестей являются «Кондуит и Швамбрания» Льва Абрамовича Кассиля и «Три куля черных сухарей» Михаила Макаровича Колосова.

Первой увидела свет повесть Льва Кассиля. Это была дебютная часть 1928 года «Кондуит» – о дореволюционном быте гимназистов в городе

Покровске. Затем, в 1931 году, вышла «Швамбрания», где рассказывалось о жизни интеллигентной еврейской семьи.

Две части повести противопоставлены друг другу: «Кондуит» – несправедливая реальность, в которой руководят взрослые, и «Швамбрания» – выдуманная страна, где всё основано на справедливых законах, в ней дозволено совершать ошибки, которые имеют полное право на существование и за которые не стыдно.

Реальность, в которой живут герои «Кондуита и Швамбрании», – это дореволюционная Россия с её жёсткой сословной иерархией, казённой муштрой и подавлением ребёнка. Гимназисты оказываются в положении «неодушевлённой вещи»: учителя и начальство обращаются с ними как вздумается, а любой проступок фиксируется в кондуите – «в учебных заведениях России до 1917 года: список, журнал с записями о поведении и проступках учащихся» [22. с. 450].

Но в замкнутый мир гимназистов с постоянными запретами, требованиями, решительно вторгаются исторические события: Первая мировая война и Революция, они не являются просто фоном повествования – они перестраивают детское сознание превращая фантазию из способа бегства от мира в инструмент его осмысления и принятия новой реальности.

Автобиографическую повесть Л. А. Кассиля изучали с точки зрения литературоведения и лингвистики.

Повесть привлекла внимание фольклористов, например, С. М. Лойтер писала, что «Импульсом и началом изучения этих игр (детские игровые утопии) была Швамбрания из известной повести Льва Кассиля «Кондуит и Швамбрания» [24. с. 82]. «Игра Кассиля с её произвольностью, свободой и логикой «обратности» сближается с карнавальной культурой, суть которой – разрушение всех барьеров: «особая форма вольного фамильярного контакта между людьми, разделёнными в обычной жизни непреодолимыми барьерами сословного, имущественного, семейного и возрастного положения» [24. с. 82].

К повести обращались текстологи, так как вариантов рукописи было несколько, и несли они далеко не творческий характер. Впервые проблеме текстологии повести «Кондуит и Швамбрания» Л. Кассиля поднял известный культуролог С. Б. Борисов. Свои наблюдения и выводы он делает на основе сопоставления издания книги 1935 г. и изданий, появившихся в 1957 г. и последующих годах. Фрагменты текста были изъяты, а редакция несла преимущественно принудительный идеолого-политический характер, т.е. цензурный [25. с. 390].

М. Р. Балина в своей статье «“Воображаемая география” в детских повестях Льва Кассиля» писала, что автора повести «обвиняли в мелкобуржуазности во взгляде на революцию “из буржуазной подворотни”» [5. с. 50]. И в конечном итоге, ему пришлось соединить обе части подчинив свободные мечты правилам советских реалий [5].

В практике школьного преподавания повесть Л. А. Кассиля, не входящая в обязательную программу, используется как материал для уроков внеклассного чтения в 5-7 классах. У повести язык понятен для подростков, однако обилие историко-бытовых реалий дореволюционной России снижает мотивацию современного подростка к самостоятельному чтению. Текст можно читать целиком или крупными блоками, при этом учитель комментирует исторические факты, быт и устаревшую лексику, а тема кондуита как символа несправедливости даёт возможность сопоставить школьные порядки дореволюционной гимназии и современной школы (требования к поведению, к внешнему виду, школьные журналы и т.п.).

Поскольку повесть «Три куля черных сухарей» М. М. Колосова ранее не изучалась ни с литературоведческой, ни с лингвистической, ни с методической стороны, и представленный нами материал вводится в научный оборот впервые.

М. М. Колосов в повести «Три куля черных сухарей» показывает, как дети выживают в суровой реальности 30-40-х годов XX века: коллективизация, голод, предвоенные годы. Главный герой Васька и его поселковые друзья,

одноклассники участники событий и наблюдатели становления нового времени, страны.

Действия происходят в Авдеевке (Донбасс) – шахтерский поселок. Автор проводит нас от двора к двору, от дома к дому, рассказывая о своем детстве и своих земляках, родных и близких.

Как отмечает И. С. Костырев в вступительной статье «Летопись родной улицы»: «прошлое у Колосова – родная стихия, бытовая и языковая, истоки его творчества, а отсюда и заинтересованное повествование. Но в то же время в судьбах героев, обитателей родной улицы, просматривается судьба всего поселка, края, страны» [19. с. 4]. Таким образом, частное (судьбы обитателей одной улицы) выступает у Колосова художественной моделью общего (истории края и страны).

Текст насыщен диалектами, просторечиями. Автор уходит от нормативной литературной речи, стилизуя речь героев его малой родине. Это создает достоверный локальный колорит, погружая читателя в языковую среду времени и места, а также служит речевой характеристикой персонажей.

Повествование ведется от первого лица (Вася Гурин), но он выступает в двух ипостасях – ребёнка, который является свидетелем реальности, и взрослый человек, осмысляющий уже прошедшие годы. Взрослое осмысление углубляет осознание и понимание тех связей (семейных, соседских), которые держали людей вместе в непростое время.

Повесть М.М. Колосова – это мир памяти. Автор не случайно дал своему произведению именно такое название – «Три куля чёрных сухарей». Для автора и его героя эти сухари становятся образом помощи и живой связи между людьми, ведь хлеб – самое земное и необходимое для выживания. Не случайно спустя годы герой всё ещё помнит о них.

С повестью «Три куля черных сухарей» методически сложнее работать: нами не было найдено методических рекомендаций к использованию текста произведения в школе. Произведение лучше читать на уроке небольшими блоками, к анализу повести следует привлечь толковые словари, поскольку

обилие диалектных единиц затрудняет понимание текста без дополнительных комментариев. На уроках русского языка возможны задания на поиск диалектизмов, подбора к ним литературных синонимов; анализ речевых характеристик персонажей. На уроках литературы целесообразно использовать не всю повесть целиком, а отдельные эпизоды, которые становятся отправной точкой для обсуждения нравственных вопросов (долг, честь, сострадание, ответственность за выбор).

В первой главе нами рассмотрены теоретические основы изучения эмоций как междисциплинарного феномена. В психологии эмоции трактуются как мотиватор, адаптационный механизм и регулятор поведения (К. Э. Изард, П. В. Симонов); в лингвистике – как предмет вербализации, что позволяет изучать человека не только как разумное, но и как чувствующее существо (*homo sentiens*).

Поскольку единой классификации эмоций не существует, для анализа выбрана эмоция *гнева*, которая в системах Изарда (активная негативная эмоция, возникающая при препятствии) и Ильина (фрустрационная эмоция) занимает ключевое место среди отрицательных переживаний.

Установлено, что эмоции выражаются двумя способами: невербальным (мимика, жесты, поза) и вербальным (фонетический, морфологический, лексический, фразеологический, синтаксический уровни). На лексическом уровне доминирует эмотивная и эмотивно-оценочная лексика, включая инвективы, причём способы выражения эмоций культурно обусловлены.

Материалом исследования выбраны две автобиографические повести: Л. А. Кассиля «Кондуит и Швамбрания» (изучена в науке) и М. М. Колосова «Три куля черных сухарей» (вводится в научный оборот впервые). Оба произведения показывают детство в переломные исторические эпохи, что создаёт богатый контекст для анализа вербализации гнева и других фрустрационных эмоций.

ГЛАВА 2. ЭМОТИВНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩАЯ ГНЕВ В ПОВЕСТЯХ Л. А. КАССИЛЯ «КОНДУИТ И ШВАМБРАНИЯ» И М. М. КОЛОСОВА «ТРИ КУЛЯ ЧЕРНЫХ СУХАРЕЙ»

Наша оригинальная картотека составлена методом сплошной выборки из двух повестей Л.А. Кассиля «Кондуит и Швамбрания» И М.М. Колосова «Три куля черных сухарей». Всего нами было выявлено 117 единиц, репрезентирующих гнев, в 185 употреблениях.

Эмоция гнева, будучи одной из наиболее ярких форм проявления человеческой агрессии, требует особых языковых средств для своей объективации. В русском языке этот спектр переживаний передается через обширный пласт сниженной и грубой лексики и через фразеологизмы, которые отражают не только степень раздражения, но и социальные, культурные и исторические контексты.

В обеих автобиографических повестях, выбранных нами для анализа, описаны тяжелые для нашей страны и общества годы: на фоне исторических событий (Первая мировая война, Октябрьская революция, массовый голод, предвоенные годы) мы наблюдаем за взаимоотношениями между людьми. Именно в таких экстремальных условиях наиболее частотными эмотивно-оценочными лексемами, репрезентирующими гнев, часто являются наименования лиц с отрицательной характеристикой: *гад, проклятый, хулиган, фашист, мерзавец, идол, шалопай, скверный, дрянь, подлец, черт, супостат*. Высокая частотность оскорбительной лексики отражает не просто личные переживания героев, а общую атмосферу жестокости и взаимного отчуждения, характерную для времени, описывающегося в повестях.

Анализ материала позволяет разделить эмотивно-оценочную лексику, репрезентирующей *гнев* на несколько групп: *сниженная лексика, лексика с отрицательной коннотацией, фразеологизмы, пословицы*. Самой частотной группой является *сниженная, грубая лексика*.

К «низкому стилю» относится лексика устной речи, используемая в непринужденных беседах, но исключенная из письменных жанров (научной и официально-деловой речи). Данный пласт лексики включает в себя три разряда: 1) разговорная лексика (*работяга, электричка*); 2) просторечная, обладающая зачастую грубовато-экспрессивной окраской (*балбес, трепач*); 3) грубая ненормативная лексика [23. с. 50].

Бранная лексика относится к средствам речевой характеристики героев; это способ выражения сильных эмоций (гнев, презрение); элемент создания достоверной разговорной специфики, особенно в произведениях, ориентированных на передачу живой, нелитературной речи.

По данным нашей картотеки, *бранная лексика* преобладает в обеих повестях — 42 единицы в 66 употреблениях: *гад (5) идол (5), супостат (4) фашист (4), мерзавец (3), дрянь (3), черт (2), морда (2), паразит (2), болван (2), дурак (2), сатана, паршивец, ошельмою, голодранец, брандахлыст, антихрист, рожка, негодяй, матерщинники, головотяп, оборванец, прохвост, лоботряс, обормот, оболтус, лодыри, шалопай, головорез, жулье, дьявол, мародер, шарлатан, шалопай, вертихвост, скотина, доостолопились, спятил, жрать, тявкать, треплешься, вор.*

На втором месте, по материалу нашей картотеки, находится лексика с отрицательной коннотацией, репрезентирующая гнев. В лингвистике под *коннотацией* понимаются «элементы смысла, возникающие из взаимодействия исходных значений слов с различными смысловыми оттенками под влиянием контекста и ситуации речи» [28. с. 111].

В отличие от бранной лексики, которая прямо и открыто выражает агрессию, лексика с отрицательной коннотацией передаёт негативное отношение говорящего к адресату более имплицитно. Такая лексика позволяет выразить негативную оценку, не переходя границы литературной нормы; служит средством речевой характеристики персонажи, обладает семантической точностью, указывая на конкретные недостатки (*спекулянт, голубятник, водовоз*).

В исследуемом материале лексика с отрицательной коннотацией также хорошо представлена — 32 единицы в 44 употреблениях: *хулиганы (4), мальчишки (4), бандит (3), ябеда (2), враг (2), галахи (2), архаровец (2), требуха (2), разврат, зазнался, каменюшники, клеветник, варвар, вандал, безобедники, самурай, звонкорезы, водовоз, башибузуки, безотцовщины, заика, прогульщик, хохландия, голубтник, спекулянт, мешочник, вербованная, меняльщик, тюлька мариупольская, басурман, оскандалился, дружок.*

Стоит отметить, что как бранная лексика, так и лексика с отрицательной коннотацией часто сопровождаются усилительными прилагательными или наречиями (*проклятый, лохматая и др.*), которые повышают экспрессивность высказывания и подчёркивают интенсивность негативного чувства говорящего.

Особую группу средств репрезентации гнева (раздражения, недовольства, неприязни) составляют фразеологизмы. Фразеологизмы обладают высокой экспрессивностью и образностью; позволяют говорящему выразить негативное отношение опосредованно, через устойчивый оборот, что часто смягчает прямолинейное оскорбление по сравнению с бранным словом, но сохраняет эмоциональную напряженность. В двух повестях, изучаемых нами, фразеологизмы маркируют разговорную, просторечную речь, что делает их средством речевой характеристики персонажа (происхождение, образование, среда).

Как показал наш материал, *фразеологизмы*, репрезентирующие гнев, в текстах повестей представлены разнообразно — 21 единица: *жисти от них нема // жисти от вас никакой нема, чума б вас взяла, нанесло на мою голову, да тю на тебя, будто Мамай налетел никому проходу не даешь, без роду без племени, тоже мне барыня, дубина стоеросовая, голова опилками набита, как у негра под мышкой, не можешь без шкоды, удавлю гада, понаплодили иродов, понаплодились словно поганки, кожа да кости, спасу от тебя никакого нема, шахер-махер, черт бы тебя не взял, плевал я на всех.*

Немногочисленной группой в картотеке являются *пословицы* (меткое, образное изречение, обобщающее различные явления жизни и имеющее обычно назидательный характер [22. с. 924]). В пословицах зафиксирован народный опыт и оценка типичных ситуаций. Они не просто передают гнев и раздражение, а придают высказыванию характер обобщенной истины, служат средством оценки персонажа: *губа толще – живот тоньше (укор в гордости)*.

Пословицы – наименее представленная группа единиц – 4 единицы: *Губа толще – живот тоньше; лень матушка заела; Одна Сатана; заставь дурака... (богу молиться он себе лоб расшибет)*;

2.1. Эмотивно-оценочная лексика, репрезентирующая гнев, в повести Л. А. Кассиля «Кондуит и Швамбрания»

Речевая агрессия является характерной приметой повести Л. А. Кассиля «Кондуит и Швамбрания», поскольку она выступает основным средством репрезентации гнева как доминантной эмоции в конфликтных ситуациях. Персонажи произведения зачастую употребляют бранную, экспрессивную и сниженную лексику, причем эта особенность в равной степени свойственна как взрослым (родители, учителя, инспектор), так и детям.

Эмотивно-оценочную лексику, репрезентирующую гнев, в повести Л.А. Кассиля «Кондуит и Швамбрания» в нашей работе мы поделили на 4 группы в зависимости от количественной представленности:

1 группа: бранная лексика: *дрянь (3), мерзавец (3), черт (2), архаровец (2), срам (2), болван (2), жулье, дьявол, дурак, оскандалился, мародеры, скотина, негодяй, болван, вертихвостка, трепаться, доостолопился, брандахлыст, голодранец, шельма, головотяп, шарлатаны, лодырь, рожка, оболтус, обормот, оборванец, прохвост, жрать, лоботряс, головорез, спятил*;

2 группа: лексика с отрицательной коннотацией: *мальчишки (6), хулиган (2), шалопай (2), галахи (2), спятил, звонкорезы, водовоз, башибузуки, спекулянт, мешочник, вандал, варвар, голубятник, хохландия, безобедники*;

3 группа: фразеологизмы:

Шахер-махер; плевал я на всех; как негра под мышкой; черт бы не взял; дубина стоеросовая; наплодилось словно поганок;

4 группа: пословицы: *заставь дурака... (богу молиться он себе лоб расшибет);*

В повести Л. Кассиля «Кондуит и Швамбрания» наиболее частотным и повторяемым словом с отрицательной коннотацией является лексема мальчишки (6). Важно отметить, что это слово всегда сопровождается уничижительными прилагательными: скверный и отвратительный, усиливающими эффект оскорбления.

Сравним:

«Молчать! Вы что, волчий билет захотели, скверный мальчишка?» [16. с. 128];

«Ну-с, скверные мальчишки! Что вы можете сказать? [16. с. 127]»

Прилагательное *скверный* и *отвратительный* являются синонимами и в приведенных контекстах имеют значение «дурной, гадкий, недостойный, непристойный» [22. с. 788].

Оценочно-презрительное сочетание, где «*скверный*» или «*отвратительный*» накладывают моральное клеймо, а уменьшительно-уничижительная форма «*мальчишка*», окончательно лишают ребенка статус, отделяя его от нормативных понятий «ученик» или просто «мальчик».

Не менее малочисленным является лексема *дрянь*, которую в тексте используют только в отношении учеников:

Иметь таких детей – большое горе для родительского сердца. Дрянь. Семеро вскинули глаза и тяжело вздохнули. Родители... Да... Сейчас дома будут слезы матери. Ругань. [16. с. 127. 24];

– Дрянь! – кричит в отчаянии учитель. – Всех запишу!!! [16. с. 96].

Лексема *дрянь* в повести Л.А. Кассиля применяется лишь в отношении учеников и употреблено в значении: «о плохом ничтожном человеке» [22. с. 180.]. В первом фрагменте учитель произносит его как приговор от имени родителей, что вызывает у детей тяжёлый вздох и мысли о домашней ругани.

Во втором – уже звучит как отчаяние. *«Дрянь! Всех запишу!!!»* [16. с. 96] становится маркером педагогического бессилия, когда учитель вместо воспитательного воздействия использует лексику, лишаящую детей человеческого достоинства.

Стоит обратить внимание на слово *горе*, которое в лингвистике эмоций является той единицей, называющей эмоцию без оценки. Но в контексте лексема несет не просто значение эмоции, а оценку поведения учеников, а усилительное прилагательное *«большое»* возводит личное страдание до семейной катастрофы.

«Иметь таких детей – большое горе для родительского сердца» [16. с. 127].

Лексема *мерзавец* характеризуется такой же частотностью употребления, что и *дрянь*.

Сравни:

«Звонят с парадного. Звонят из кабинета на кухню. Звонит телефон. Слышен папа.

– Ах, мерзавцы! – разносится по дому. – Что они? Не предвидели? Ну ладно. Есть носилки? Я уже готов. Лошадь выслана? Сейчас буду. В больнице знают. [16. с. 61]»;

«Класс стоял. Десять минут. Полчаса...

Просидев так с часик, инспектор вдруг откладывал книгу в сторону и негромким, но звучным баритоном начинал спокойно отчитывать:

– Ну-с! Что, болваны? Доостолопились, хулиганы, брандахлысты, голубятники?! У-у, «хохландия»!.. Голодранцы! При всей честной гимназии ошельмую, головотяпы! Шарлатаны! Галахи! Лодыри! Эй, чей это там дурацкий затылок? А-а, это твой, Гавря? Я, кстати, ведь и о тебе говорю. Чего рожу воротилешь? Сам – первейший оболтус! Ну, что? Стыдно небось, обормоты? Мерзавцы!» [16. с. 105].

В качестве примера мы рассмотрим два контекста. Лексема *мерзавцы*, по данным словарей, является многозначной: «1. Мерзкий, подлый человек;

негодяй. 2. Употребляется как бранное слово» [22. с. 352], и реализуется в тексте повести в обоих значениях.

В первом примере лексема реализует своё первое значение – «мерзкий, подлый человек; негодяй» [22. с. 352]. Это оскорбление относится к хозяину костемольного завода и к тем, кто по его приказу перегрузил старую стену сушилки. Это не бытовая брань, а конкретное обвинение в причастности к трагедии: жадность и пренебрежение привели к гибели и увечьям рабочих. Употребление лексемы *мерзавцы* здесь максимально близко к его прямому смыслу: подлые люди, совершившие зло, заслуживающие презрения.

Во втором примере лексема *мерзавцы* уже употребляется как бранное слово, так как (исходя из контекста) детей, которые невинны в детской шалости, приравнивают к подлым людям, что совершенно несоизмеримо с их проступком.

Также вспышки гнева заставляют персонажей низводить своих собеседников до демонических существ. Интересным примером становится лексема *черт*. Значение этого слова является многозначным, но в нашем контексте используется как бранное.

«Уныние царило в городке. Новых кнопок уже не ставили. Гимназисты торжествовали. На всех дверях печально пустовали невыгоревшие светлые кружки с дырками от гвоздей.

Только земский начальник позвал Афонского Рекрута.

– Ставь новый! – сказал земский. – Ставь, подлец! Да крепче! Знаю я вас, чертей афинских... Все ваши шахер-махеры знаю» [16. с. 119].

«Черт, по религиозным представлениям, – сверхъестественное существо, олицетворяющее собой злое начало» [29. с. 880]. Для земского человек, ставящий звонки, именно им и является, ведь, по его мнению, он промышляет мошенничеством. Об этом нам говорит в контексте фразеологизм «*шахер-махер*» – «мошенническая сделка, ловкая плутовская операция» [29. с. 913], который в устах земского звучит как обвинение в надувательстве.

Лексема *черт* входит и во фразеологизм *черт бы тебя не взял*:

«Простав сказал Козодаву:

– Чтоб у меня эти звонкорезы были пойманы! Слышишь? Оскандалился, черт тебя бы не взял, на весь город!.. Поймаешь – пятьдесят рублей награды. Нет – так ты у меня попрыгаешь, бляха номер два ноля!» [16. с. 122].

«Фразеологический словарь русского литературного языка» под редакцией А.И. Федорова [38] дает такое значение фразеологизма: *«черт бы тебя взял* – выражение возмущения, досады, негодование и т. п. против кого-либо» [38. с. 537], но в нашем случае персонаж использует другой вариант этого устойчивого сочетания: *«черт бы тебя не взял»*, т. е. человек настолько подлый и скверный, что само зло его не приняло бы.

Интересно, что обращения к лексике, обозначающей нечистую силу, в тексте не так много: еще одной религиозной лексемой, зафиксированной в повести Л.А. Кассиля «Кондуит и Швамбрания», является лексема *«дьявол»*.

«Тьфу, дьявол! Темно, как у негра под мышкой. Вспыхивает спичка. Рука в изящной перчатке подносит спичку к звонку. Спички одна за другой долго вспыхивают и тухнут» [16. с. 121].

В данном контексте *дьявол* является не оскорблением в сторону оппонента, а становится выражением экспрессивной оценки неблагоприятной ситуации. А фразеологизм *темно как негра под мышкой* («очень темно» [38. с. 538]) конкретизирует скверное положение, в которое попал персонаж.

Религиозная лексика в повести Л. Кассиля крайне малочисленна в силу того, что идеологический контекст ранней советской эпохи требовал исключения религии из общественной и школьной жизни. Важно подчеркнуть, что носителями этой лексики в повести являются представители старшего поколения, у которых религиозная лексика еще сохраняется на подсознательном уровне как речевая привычка ушедшей эпохи.

Следует сказать, что анализ последующей эмотивно-оценочной лексики имеет особенность: вся лексика извлечена из монологического высказывания персонажа (инспектора гимназии). Поэтому мы не можем анализировать эти слова по отдельности, они должны быть рассмотрены как целостная группа,

которая не только отражает отношение инспектора к гимназистам, но и характеризует его как человека.

«– Ну-с! Что, болваны? Доостолопились, хулиганы, брандахлысты, голубятники?! У-у, «хохландия»!.. Голодранцы! При всей честной гимназии ошельмую, головотяпы! Шарлатаны! Галахи! Лодыри! Эй, чей это там дурацкий затылок? А-а, это твой, Гавря? Я, кстати, ведь и о тебе говорю. Чего рожу воротить? Сам – первейший оболтус! Ну, что? Стыдно небось, обормоты? Мерзавцы! Оборванцы! Я еще доберусь до вас, прохвосты. Сидите вот теперь всем классом без обеда. А дома-то обед ждет. Щи горячие. Говядина жареная. Дух идет. – И инспектор щелкал языком и крутил носом. – Что? Хочется жрать? То-то и оно-то. А дома еще батька зад взгреет. Обязательно. Я записку специальную пошлю: спустите, дескать, вашему сыну штаны и всыпьте ему в задний кондуит по первое число... Нечего смеяться, лоботрясы. Шалопай! Го-ло-во-ре-зы! Безобедники! Срам!» [16. с.105].

Инспектор использует экспрессивную лексику: в речи персонажа встречаются просторечные, бранные, окказионализмы, лексика с отрицательной коннотацией.

Оскорбления из этого монолога можно поделить на лексико-семантические группы, характеризующие человека с отрицательной стороны: человек глупый: *болваны, головотяпы, доостолопились, оболтус, обормоты, голубятник, «хохландия»*; человек с низким социальным положением: *голодранец, оборванец, безобедник*; человек подлый, нарушающий общественный порядок *хулиганы, брандахлыст, шарлатан, мерзавец, прохвост, ошельмоу*; бездельник, повеса: *лодырь, шалопай, лоботряс*.

Общая цель всех выделенных лексико-семантических групп оскорблений сводится к одному – выразить свои гневные чувства и предельно унижить ученика, изобразив его глупым, нищим, порочным и ленивым, даже если это не соответствует действительности.

Что интересно лексемы: *голодранец, оборванец, безобедник*, используются в переносном значении. Учитель, инспектор в

дореволюционной гимназии – статусная профессия, он стоит неизмеримо выше ученика по иерархии. Здесь не констатация факта (бедность или неопрятность одежды), а социальное принижение, служащее для инспектора инструментом дисциплинарного подчинения: через оскорбление и унижительные номинации он утверждает свою власть и подавляет волю детей.

Особого внимания заслуживает лексика с отрицательной коннотацией, значение которой становится понятным только в контексте монолога. Так, лексема *голубятник* в прямом значении обозначает – «человек, держащий и разводящий голубей» [22. с. 214], но в устах инспектора это слово характеризует ограниченного человека, чьи интересы не идут дальше пустого времяпрепровождения.

Лексема *хохландия* также выражает эмоцию гнева учителя. «Хохландия – 1. Малороссия, обитаемая хохлами; 2. далёкая окраина» [27. с. 385]; в контексте же слово приобретает переносное значение: те самые последние парты для отстающих и нерадивых учеников. Сегодня это слово используется в этом же значении, но чаще всего употребляется синоним *Камчатка*.

Среди этих лексем с отрицательной коннотацией выделяется слово *галахи*, поскольку его значение неочевидно и требует обращения к диалектному словарю. Согласно «Словарю русских народных говоров» под редакцией Ф.П. Филина, «галах – шутник. Он весь век проживет галахом» [39. с. 106]. В устах инспектора это слово приобретает уничижительный смысл, представляя учеников легкомысленными и не заслуживающими уважения людьми.

В порыве гнева, испытывая удовольствие от ситуации, люди могут с наслаждением произносить оскорбления по слогам, о чем свидетельствует слово «*го-ло-во-ре-зы*». Пусть слово и не несет сильной нагрузки в контексте (своего основного значения: «1. Отчаянный человек; бандит» [22. с. 210]), а используется лишь как бранное, но само его произношение приносит ему удовольствие.

Особый интерес представляет фразеологизм *воротить рожу* в составе вопросительного предложения: «*Чего рожу воротишь?*» На первый взгляд может показаться, что инспектор уличает гимназиста в презрении по отношению к учителю, однако это не так. Здесь снова проявляется неуважение и неприязнь преподавателя к ребёнку. Этим замечанием инспектор только больше демонстрирует свою власть: ребёнок не может выразить свои искренние эмоции в этот момент (а именно неприязнь и, возможно, стыд, ведь его обвиняют в проступке) и, чтобы не показывать своих истинных чувств, он отворачивается. Инспектор же перехватывает инициативу, превращая даже попытку уйти взглядом в новый повод для обвинения.

Зачастую в нашей речи люди характеризуют ситуацию *аффективами* (слова, называющие эмоции): стыд, горе, ужас и др. В нашем контексте инспектор использует бранную лексику *срам* («позор, стыд» [22. с. 1172]), подводя итог своему «обличительному» монологу и характеризуя ситуацию в целом.

Самым «невинным» из всех лексем в монологе является слово *хулиганы*, которое теряется на фоне более выразительной и разнообразной оскорбительной лексики.

Интересными словами с точки зрения семантической динамики являются слова *мешочник* и *спекулянт*. Оба слова приняли отрицательную коннотацию в период военного коммунизма (1918 — 1921) и перехода к НЭПу. В это время государство вводит запрет на частную торговлю и уголовную ответственность за скупку и перепродажу товаров, что послужило основой для закрепления за этими словами резко отрицательной коннотации:

«— *Комиссар катит!* — закричал какой-то мальчишка.

И ловкие приятели быстро упрятали все в мешки.

— *Покажь документ,* — сказал приехавший из города комиссар Чубарьков, вылезая из тарантаса. — *Ну, будя агитировать!*

— *Свой, а треплешься,* — спокойно отвечал крапивный человек.

– Я те покажу «свой»! – грозно сказал Чубарьков и опустил руку в карман. – Предъявь документ, спекулянт чертов! Мешочник...» [16. с. 243].

Слова *спекулянт* и *мешочник* имеют следующие значения: «*спекулянт* – тот, кто скупает и перепродает товары по повышенной цене» [22. с. 1237]; «*мешочник* – тот, кто занимался мошенничеством» [22. с. 536]. В годы гражданской войны лексема *спекулянт* приобретает крайне негативную окраску — это уже не просто перепродавец, а тот, кто наживается на голоде и разрухе. Слово *мешочник* стоит в одном ряду со *спекулянтом*, однако оно имеет важную особенность. Так, «Толковый словарь» под редакцией Д.Н. Ушакова указывает на характерную деталь: «Человек, ездивший в хлебные места за продуктами и спекулировавший ими (в годы гражданской войны)» [37. с. 202]. Уточнение «в годы гражданской войны» фиксирует историческую привязку слова и подтверждает, что его негативная коннотация сформировалась именно в эпоху, описанную в повести «Конduit и Швамбрания».

Таким образом, лексемы *спекулянт* и *мешочник* в приведенном контексте выступают маркерами подпольного рынка эпохи разрухи, фиксируя разрыв между запретом торговли и жизненной необходимостью. Комиссар обе лексемы использует не только как оскорбление, но и как средство выражения своего гнева.

Фразеологизм *понаплодились словно поганки* соединяет глагол «*Наплодились* – родиться или развестись в большом количестве. *Наплодились насекомые*» [22. с. 593], и сравнение с ядовитыми грибами, лишая спекулянта человеческого облика. В контексте повести комиссар Чубарьков использует это выражение как оскорбление, некий приговор к деятельности спекулянта и выражения своей негативной эмоции:

«У крапивного человека документа совсем не оказалось, и он сам огорчился.

– А ну, – сказал товарищ Чубарьков, – складывай барахло и сыпь отсюда без оглядки, пока я вас не забрал... и точка. Наплодилось вас тут, словно поганок!..» [16. с. 243].

Одним из самых отличимых усилительных прилагательных в тексте Л. А. Кассиля «Конduit и Швамбрания» является лексема *черномазый*. В литературе редко его можно встретить, тем более в детской, даже если автор пытается отразить живую, разговорную речь. Слово *черномазый* является многозначным, в нашем контексте: «Черноволосый и смуглый (обычно по отношению к представителям южных национальностей, неграм, цыганам и т.п.)» [22. с. 916]. Это интересно, потому как сам автор не уточнял расу или национальность персонажа, к которому обращаются.

Цель использования этого прилагательного – приписать адресату «чужой» облик, чтобы усилить оскорбление и обосновать свои подозрения в нечестности собеседника. Использование ксенофобной лексики, такой как лексема *черномазый*, характерно для проявления расизма и недальновидности городского: он не просто описывает внешность, а приписывает человеку свойства, которые, по его мнению, характерны для определенной расы, выражая тем самым гнев и усиливающееся раздражение.

В своей речи люди часто используют пословицы, как народную мудрость, чтобы метко описать ситуацию. В повести Л. А. Кассиля «Конduit и Швамбрания» используется лишь одна: «Заставь дурака богу молиться, так он себе лоб расшибет».

«Тьма. По лестнице поднимаются ноги. Резиновые галоши в грязи. Одна нога спотыкается о ступеньку:

– Тьфу, дьявол! Темно, как у негра под мышкой. Вспыхивает спичка. Рука в изящной перчатке подносит спичку к звонку. Спички одна за другой долго вспыхивают и тухнут. Внизу голова Козодава. Наверху ноги в резиновых галошах. Козодав, который на минутку заснул, очухавшись, тяжело вбегает наверх...

– Ага! Попался! – Надувшись, топорща усы, он свистит. Другой рукой он поймал неизвестного за шиворот. Свистит. – Каррраул!.. Пымал!

Неизвестный спокойно оборачивается и властно отрывает от себя руку полицейского.

Это сын земского, Венька Разуданов. Он негодует:

– Ты что, болван, спятил? А? Заставь дурака...» [16. с. 121].

«Заставь дурака... (богу молиться он себе лоб расшибет) – глупый человек, что своим усердием лишь только навредит делу» [27. с. 280]. Незавершенность пословицы объясняется аффективным состоянием персонажа: будучи одновременно разъяренным тупостью полицейского и доведённым до отчаяния собственным унижением, он задыхается от возмущения прерывает свою речь.

В повести Л. А. Кассиля «Кондуит и Швамбрания» эмотивно-оценочная лексика, репрезентирующая гнев, включает четыре группы: бранную лексику, лексику с отрицательной коннотацией, пословицы и фразеологизмы. Наиболее частотным словом является *мальчишки* с уничижительными прилагательными *скверный, отвратительный*, лишаящими ребёнка статуса ученика.

Религиозная лексика (*черт, дьявол*) малочисленна в силу идеологического контекста советской эпохи. Ключевым для анализа является монолог инспектора гимназии, где оскорбления делятся на группы: глупый, социально низкий, подлый, ленивый. Слова *голодранец, оборванец* используются как инструмент социального принижения.

Исторически маркированные слова *спекулянт* и *мешочник* закрепили отрицательную коннотацию в период НЭПа, а ксенофобное *черномазый* усиливает оскорбление через «чужой» облик.

Таким образом, мы приходим к выводу, что эмотивно-оценочная лексика помогает автору передать речевую агрессию как характерную примету эпохи.

2.2. Эмотивно-оценочная лексика, репрезентирующая гнев, в повести М. М. Колосова «Три куля черных сухарей»

В повести М. М. Колосова «Три куля черных сухарей» эмотивно-оценочная лексика, передающая гнев, отличается ярко выраженной экспрессией устойчивой отрицательной оценочностью и тяготением к разговорно-сниженным и бранно-инвективным пластам языка, благодаря чему автору удается воссоздать остроту как бытовых, так и социальных конфликтов.

Эмотивно-оценочную лексику, репрезентирующую гнев в повести М. М. Колосова «Три куля черных сухарей» мы также поделили на 5 групп в соответствии с количественной представленностью единиц в нашей картотеке:

1 группа: лексика с отрицательной коннотацией: *бандит (3), хулиганы (2), ябеда (2), враг (2), требуха (2), каменюшник, вор, безотцовщина, неслух, заика, прогульщик, тюлька мариупольская, меняльщик, дружок, самурай, зазнался, клеветник, вербованная, копыта;*

2 группа: бранная лексика: *гад (5), идол (5), супостат (4), фашист (4), паразит (2), матерщинники, таякать, дурак, антихрист, морда, сатана, паришвец, басурманин;*

3 группа: фразеологизмы: *нанесло на мою голову; чума б вас взяла; жисти от вас никакой нема; спасу от тебя никакого нема; да тю на тебя; Будто Мамай налетел; понаплодили иродов; жисти от вас никакой нема; голова опилками набита; прохожу на давать; удавлю гада; послать к чертям собачьи; кожа да кости; без роду без племени; тоже мне барыня;*

4 группа: эвфемизм: *такой-сякой (2);*

5 группа: пословицы: *Губа толще – живот тоньше; Одна сатана...; Лень-матушка заела;*

Среди всей бранно-оценочной лексики количественно преобладает лексема *гад*, одно из самых устойчивых ругательств, которое используют и сегодня. Слово многозначное, но в повести употребляется как бранное: «об отвратительном, мерзком человеке» [22. с. 190].

«– Вот гад, какую красивую птичку убил... И не целился... – Он распрямил на щурке взлохматившиеся перья, пригладил и понес птицу домой. Там он взял лопату и закопал щурка на огороде» [19. с. 17].

Частотность употребления слова можно объяснить тем, что именно этим словом есть возможность метко выставить оценку человеку, творившему зло: с одной стороны, моральное осуждение, с другой, – снижение обидчика до уровня пресмыкающегося (ползающее, холодное, животное, которое вызывает отвращение).

Стоит отметить, что в повести «Три куля черных сухарей» религиозная лексика количественно доминирует в сравнении с повестью Л. А. Кассиля «Кондуит и Швамбрания», несмотря на более поздний период изображения (1930 – 1941 г.), приходящийся на годы активной государственной борьбы с религией в СССР. Это можно аргументировать тем, что в патриархальной деревенской среде вера и связанные с ней представления сохранили важное значение. К лексике, связанной с верой, можно отнести такие лексемы, как: *идол, антихрист, сатана, басурманин, одна сатана, проклятый, окаянный, антихристовый*. Частотным в тексте повести является лексема *идол* (5):

«Подбирая на бегу с дороги камни, Илья мчался как на пожар. "...” Еще издали он стал бросать камни на Чуйкину хату. Камни гремели о черепицу, падали во двор. Побеспокоенный цепной пес поднял лай. На шум выбежала Дарья, увидела Илью, стала ругать его:

– Опять, идол, с камнями! Спасу от тебя никакого нема» [19. с. 20].

В словарях лексема *идол* имеет два значения: «1. Статуя, изваяние, которым язычники поклоняются как божеству»; 2. «Бранно. О бестолковом или бесчувственном человеке, животном» [22. с. 375]. В повести лексема используется как бранная, но выполняет двойную оценочную функцию: в бранно-бытовом значении она характеризует ребенка как бестолкового человека, но в христианском сознании идол — языческий истукан, пережиток прошлого, некоего хаоса, что позволяет говорящей уподобить действия мальчика с чем-то злым.

Интересно также употребления лексемы сатана:

«– Я их послала к чертям собачьим, и все. Ходють! «Вы ее строили ту церкву, што собираетесь закрывать? Я вас знать не знаю, кто вы такие! Приехали откуда-то и распоряжаетесь. А и правда, эта сатана дохлая, кожа да кости, вожатая, откуда она тут объявилась? – Обернулась к Ваське и, не дождавшись ответа, продолжала: – Тоже, наверное, вербованная какая-нибудь, без роду без племени. “Хозяин, – сказала, – придет – нехай как хочет, а я в этом деле не участвую”» [19. с.224].

В Большом Толковом словаре у данной лексемы два значения: «По религиозным представлениям: глава злых духов, воплощение злого начала; властелин ада, дьявол, чёрт. Разг. О ком-л. нехорошем, недобром. Выражение негодования, возмущения, удивления, досады кем-, чем-л» [22. с. 1154]. Это главное зло в христианстве. Но мы можем определить оба значения в контексте. Для говорящей, пожилой женщины вожатая – зло во плоти, против религии, против того, что было целые века (христианство), можно даже назвать богохульницей. И, казалось бы, великое зло, но прилагательное *дохлая*, что значит «хилый, тщедушный, слабосильный» [22. с. 281], меняет ее образ. В контексте мы наблюдаем предельно презрительное инвективное именование женщины-вожатой. Говорящая соединяет религиозное (*сатана* – глава злых духов) с физиологически уничижительным (*дохлая*).

Отметим, что *сатана* входит и во фразеологизм *муж и жена – одна сатана*. Однако изменяет его понимание общий контекст произведения:

«– Как нагрянули скоро немцы и стали у всех хлеб тот трусить. И у нас шукали. И наткнулись в чулане на сухари. Как увидели, зажеркотали что-то и поволокли чумал на машину. А я вслед, кричу: «Отдайте хоть чумал, паразиты такие-сякие!» Они винтовками меня пугают: «Пук-пук, матка». А я свое: «Отдайте чумал!» Как оно получилось, поняли или просто так вышло, а только высыпали они сухари прямо в машину, а чумал бросили на меня. Я барахтаюсь в нем, а они смеются. С тем и уехали. Штоб им те сухари поперек горла стали, паразиты! Оголодили вконец.

– *То итальянцы были, – уточнил Неботов, знавший эту историю из рассказов многих. – Немцы – те убили б.*

– *Одна Сатана, что немцы, что твои итальянцы! Все хороши, повидали! – резко отрубила Ульяна» [19. с. 87-88].*

В контексте Великой Отечественной войны персонаж трансформирует фразеологизм *муж и жена – одна Сатана*, заменяя супругов на немцев и итальянцев, тем самым выражая чувство гнева и утверждая моральное тождество всех фашистских захватчиков независимо от их национальности.

Часто встречающимся в контексте усилительным прилагательным является лексема *проклятый* (6). Усилительное прилагательное *проклятый* часто используют в речи потому, что оно сочетает высокую эмоциональную оценочность с простотой и краткостью. Оно позволяет говорящему выразить крайнюю степень негативного отношения (гнев, досаду, отвращение), не прибегая к грубой нецензурной брани. Кроме того, в патриархальной среде, где религиозное сознание ещё сохраняет силу, лексема *проклятый* несёт дополнительный семантический оттенок – «осуждение кого-либо или чего-либо со стороны Бога» [22. с. 1012], что делает осуждение более глубоким и весомым в глазах говорящего, выражая гневное чувство.

Мы видим, что в повести «Три куля чёрных сухарей» религиозная лексика выполняет не только номинативную, но и ярко выраженную оценочно-экспрессивную функцию. Лексемы *идол*, *сатана*, *проклятый* и другие используются персонажами преимущественно как бранные единицы, однако сохраняют глубокую семантическую связь с христианской картиной мира.

Лексика, иллюстрирующая врага, тоже весьма разнообразна: *супостат*, *фашист*, *враг*, *будто Мамай налетел*, *самурай*. Так, лексема *супостат* (белорусс.) – «неприятель, противник, враг» в разговорной речи приобрело негативный оттенок «негодяй, злодей» [38. с. 151].

Еще одна наиболее частотная лексема в речи героев повести – *фашист*:
«*Фашист! Ты же настоящий фашист, самурай, никому проходу не даешь, гад ты такой. Отдай корыто!» [19. с. 78].*

В описываемый период (как и в современном русском языке) лексема *фашист* функционирует как одно из самых сильных бранных слов, обозначая врага, палача, человеконенавистника.

Слово *самурай* можно назвать нестандартным в сравнение с лексемой *фашист*. В контексте детской / уличной брани 1930-х годов (действие происходит в советском прошлом) – презрительное прозвище для задиры, драчуна, человека, который «рисует» воинственным поведением.

Стоит обратить внимание, что в одной тираде смешаны немецкий *фашист* и японский *самурай* – образы врага, что отражает советское восприятие времени (нарастающий фашизм в Германии и конфликты у озера Хасан / Халхин-Гол – события конца 1930-х). Для Васьки это синонимы плохого, жестокого человека.

Примечательным фразеологизмом можно считать устойчивое сочетание *будто Мамай налетел*. В состоянии гнева персонаж сравнивает детскую баловство с нашествием Мамай, используя этот фразеологизм как готовый культурный ярлык для обозначения хаоса.

«Че разоралась? Ужассть какой-то, цельный день гвалт. И кричать, и стреляють, будто Мамай налетел» [19.. с. 20].

Отметим, что лексика, используемая персонажами для обозначения врага (*супостат, фашист, самурай и будто Мамай налетел*), не просто выполняет функцию речевой характеристики героев и описания бытовой ссоры. Она формирует тревожный подтекст, создаёт предчувствие грядущих военных лет 1941–1945 годов.

Особого внимания заслуживает оскорбление *безотцовщина*:

«– Материцинники, хулиганы! – кричала Дарья и махала платком на бесстрашных щурков. – Воры, безотцовщины!.. Только по чужим садам лазить...» [19.. с. 16].

В традиционной деревенской среде безотцовщина – клеймо, означающее «отсутствие мужского воспитания, строгости, трудолюбия». В порыве гнева героиня бьёт по самому больному – по семейной неполноценности.

Стоит отметить, что для патриархального деревенского уклада принципиальна связь человека со своей семьёй, родом. Поэтому также в повести обращает на себя внимание фразеологическая единица *без роду без племени*, которая выражает явно негативные чувства по отношению к человеку, которому она адресована:

«– Я их послала к чертям собачьим, и все. Ходють! «Вы ее строили ту церкву, што собираетесь закрывать? Я вас знать не знаю, кто вы такие! Приехали откуда и распоряжаетесь». А и правда, эта сатана дохлая, кожа да кости, возжатая, откуда она тут объявилась? – Обернулась к Ваське и, не дождавшись ответа, продолжала: – Тоже, наверное, вербованная какая-нибудь, без роду без племени. «Хозяин, – сказала, – приедет – нехай как хочет, а я в этом деле не участвую». Пошли как миленькие» [19. с. 112-113].

Без роду без племени – экспрессивное устойчивое выражение для обозначения одинокого, безродного человека [39. с. 575]. Говорящая додумывает («тоже, наверное») биографию возжатой: перед ней человек без корней, без семьи, без связи с Родиной. Такой человек, по мнению деревенской жительницы, легко может отказаться от культуры и истории, поскольку не имеет прошлого.

Помимо *безотцовщины* в повести встречаются и другие, не менее выразительные оскорбления, например, *тюлька мариупольская, каменюшники*. Так, лексема *каменюшники* является авторским окказионализмом:

«Ах вы хулиганы такие-сякие!.. Каменюшники проклятые, чума б вас взяла, жисти от вас никакой нема!» [19. с. 16].

Значение окказионализма прозрачно выводится из контекста: *каменюшники* — те, кто связан с камнями, кто швыряется камнями. Дарья приходит к этому слову естественным путём: видя, как мальчишки швыряются камнями, ей нужно конкретное, осязаемое обозначение, привязанное к действию. Сопровождается эта лексема в контексте прилагательным *проклятые*, которое усиливает гнев и навлекает на голову мальчишек проклятие.

Необычное словосочетание *тюлька мариупольская*, обычно не встречающееся как оскорбительное, в речи героя повести «Три куля черных сухарей» является лексемой, способной унизить другого персонажа. «Тюлька – мелкий вид сельдей, водящийся в Каспийском и Черном море» [22. с. 1357] Но маленький герой, испытывая негативную реакцию на действия другого персонажа, использует это слово в переносном значении, и мы можем предположить, что *тюлька* в его понимании – это ничтожный, мелкий, не имеющий веса человек; маленький ребёнок или подросток. Стилистическая окраска лексемы – пренебрежительная, уничижительная, а в сочетании с прилагательным *мариупольская*, указывающим, казалось бы, только на географическое происхождение (Мариуполь – портовый город на Азовском море, центр рыболовства), в контексте ссоры двух персонажей это уточнение усиливает насмешку и скрытый гнев: ты не просто мелкая рыба, а самая что ни на есть дешёвая (такая рыба была доступна всем).

Анализируя текст, мы видим, что нередко герои дети, как и взрослые, употребляют слова в несвойственном им значении, поэтому исходная семантика лексемы постепенно трансформируется. И тогда мы с удивлением констатируем, как расходится словарное значение лексемы и её употребление в контексте. Например, лексема *ябеда* получает смысловое переосмысление в контексте:

«Васька знал, что она не уймется, пока не найдет Алешку: она «няня», мать всегда ей приказывает следить за ним.

– Ну, чего разоралась? – выглянул Васька. — Тут он.

– На чердаке?! – ужаснулась Танька. – Вот вам попа-а-адет от мамы. Все расскажу.

— Ну и рассказывай, ябеда лохматая! – рассердился Васька» [19. с. 28-29].

Изначально лексема *ябеда* определялось в словарях как «наушническое сообщение, наговор, клевета (разг)» [22. с. 1536]. Однако в детской субкультуре (и в широком бытовом употреблении) слово утратило эту

семантическую тонкость. Для рассерженного ребенка *ябеда* – любой, кто сообщает взрослому о проступке другого, независимо от того, правда это или ложь. Вместе с лексемой *ябеда* в контексте используется прилагательное *лохматая*, образованное от существительного *лохмы* – пряди свалывшихся волос, шерсти, космы» [22. с. 506]. Ребенку просто хочется обидеть, выместить свою злость, свой гнев и страх перед наказанием. Зацепиться больше не за что – остаётся только внешность. Вот и появляется *лохматая*. Это не точная характеристика, а отчаянная попытка уязвить, причём словарный запас у Васьки ещё только формируется, поэтому оскорбление получается таким примитивным, почти бессмысленным, но очень обидным для другого ребёнка.

Обидным становится и другое контекстуально нагруженное слово – *заика*:

«– *Никита – голова опилками набита, вылазь: Петька плачет.*

– *Ну, я ей и дам же!.. – прошипел Никита. – Я покажу ей опилки, заика проклятая»* [19. с. 45-46].

Контекстуально нагруженное слово – это слово, значение которого напрямую зависит от контекста, в котором оно используется, то есть смысл лексемы может меняться в зависимости от соседних слов, ситуации или общего смысла текста. *Заика* – лексема, обозначающая человека с физическим недостатком речи. В речи Никиты оно используется не как констатация медицинского факта, а как оскорбительное прозвище. Ребёнок, услышав в свой адрес обидную дразнилку (*голова опилками набита*), не находит другого аргумента, кроме удара по физическому недостатку оппонента. Незначительный словарный запас не позволяет ему изобрести более остроумное или содержательное оскорбление, поэтому он использует первое, что приходит на ум, – бьёт по самому уязвимому, что есть в человеке.

Итак, в повести «Три куля черных сухарей» эмотивно-оценочная лексика, репрезентирующая гнев, включает пять групп: лексику с отрицательной коннотацией, бранную лексику, фразеологизмы, эвфемизмы и пословицы. Среди всех проанализированных лексем количественно

преобладает лексема *гад*. Языковая особенность повести – наличие религиозной лексики (*идол, сатана, проклятая*) для передачи гнева героев, что объясняется патриархальным деревенским укладом.

Лексика, номинирующая врага, вражью силу (*фашист, самурай, будто Мамай налетел*) создаёт предчувствие войны 1941–1945 годов, а оскорбления *безотцовщина* и *без роду без племени* в выражении гнева – это попытка снизить социальный статус другого человека. Авторские окказионализмы (*каменюшники*) и детские оскорбления (*ябеда лохматая, заика проклятый*) помогают автору повести не только передать все негативные чувства героев, но и показать тот временной фон, те условия, в каких живут персонажи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эмоция гнева в анализируемых произведениях является одной из доминирующих в коммуникации между персонажами, особенно в диалогах взрослых и детей. На фоне тяжёлых исторических событий (Первая мировая война, революция, голод, предвоенные годы) агрессия и раздражение становятся естественной реакцией на социальную нестабильность, что находит прямое отражение в языке.

Наиболее частотным способом вербализации гнева оказались наименования лиц с отрицательной характеристикой – 117 уникальных единиц в 185 употреблениях. Это говорит о том, что персонажи склонны переносить своё раздражение непосредственно на человека-«виновника», обозначая его бранными или сниженными лексемами, среди которых мы выделили наиболее частотные: *гад* (5), *проклятый* (4), *хулиган* (4), *фашист* (4), *мерзавец* (4), *идол* (4); на втором месте по представленности *шалопай*, *скверный*, *дрянь* (по 3 употребления), а также десятки единичных или парных употреблений (*подлец*, *ябеда*, *бандит*, *паразит*, *черт* и др.).

Все единицы, репрезентирующие гнев в обеих повестях, мы разделили на четыре группы. Грубая и сниженная лексика – самая объёмная группа, которая включает непосредственно бранную лексику (*гад*, *мерзавец*, *болван*, *дурак*), зооморфные оскорбления, криминальную лексику (*вор*, *бандит*, *мародёр*) и грубые глаголы или наречия (*жрать*, *тявкать*, *спятил*). Эта группа слов часто имеет в контексте лексемы-сопроводители, также эмоционально нагруженные: *проклятый*, *скверный*, *злостно*, *исподтишка*, *вконец*. Усилительные прилагательные и наречия служат для повышения интенсивности гнева.

Фразеологизмы – более развёрнутые и экспрессивные способы выражения гнева, часто несут оттенок безысходности или усталости (*жисти от вас никакой нема*, *чума б вас взяла*, *нанесло на мою голову*, *понаплодили*

иродов). Они отражают не столько сиюминутную вспышку гнева, сколько накопившееся раздражение.

Пословицы, репрезентирующие гнев, в повестях малочисленны, но выразительны (*заставь дурака богу молиться...*).

Таким образом, языковая объективация гнева в произведении отличается разнообразием средств – от однословных оскорблений до развёрнутых фразеологизмов и изречений. Это позволяет авторам точно передавать как степень агрессии персонажа, так и его социальное происхождение, уровень культуры и конкретную ситуацию общения. Преобладание же наименований лиц с отрицательной характеристикой подтверждает, что гнев в данном тексте направлен прежде всего против конкретных людей, а не против обстоятельств.

Так, в повести Л.А. Кассиля «Конduit и Швамбрания» преобладает социально-бытовой и комический тип оскорблений (*мерзавцы, болваны, шарлатаны, головотяпы, прохвосты, оболтус, башибузуки, вертихвосты, брандахлысты, лодыри, безобедники*). Здесь человека называют не бесом, а болваном, лоботрясом или обормотом, подчёркивая его лень, тупость или неумелость. Персонажи Л.А. Кассиля мыслят категориями социального порядка и порядка умственного, поэтому оскорбление направлено и на поведение, и на умственные способности человека. А в повести М.М. Колосова преобладает религиозно-социальный тип оскорблений (*проклятый, антихрист, басурман, сатана, идол, ирод, фашист*). Оскорбление здесь строится через отлучение от Бога, уподобление бесам, врагам Христа или еретикам. Герои М.М. Колосова мыслят категориями ада, греха и вражьей силы, поэтому оскорбление направлено прежде всего на душу человека. Такая лексика создаёт специфический социальный колорит, подчёркивая глубокую укоренённость персонажей в патриархальном, в дореволюционном прошлом.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о принципиальных различиях в вербализации эмоции гнева в анализируемых произведениях. Несмотря на внешнее сходство (ограниченный повторяющийся набор оскорбительной лексики, что обусловлено малым словарным запасом

персонажей, замкнутостью мира и сужением лексикона в состоянии аффекта), характер бранной лексики у двух авторов различен.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапова С. Г. К вопросу о способах репрезентации эмоций / С. Г. Агапова // Science Time. – 2015. – № 3. – С. 9–12.
2. Адамович Е. А. Понятие эмоционально-оценочной лексики / Е. А. Адамович // Белорусский государственный университет. – 2021. – Т. 1 : идеи, поиски, решения. – С. 3 – 9.
3. Бабенко Л. Г. Большой толковый словарь русских существительных : Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Л. Г. Бабенко. – Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. – 864 с. – ISBN 978-5-462-00738-5.
4. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с. – ISBN 5-7525-0061-3.
5. Балина М. Р. Воображаемая география / М. Р. Балина // Вестник РГГУ. Серия : Философия. Социология. Искусствоведение. – 2012. - № 11. – С. 46 – 53.
6. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – Москва : Русские словари, 1996. – 416 с. – ISBN 5-98216-002-5.
7. Галкина-Федорук В. И. Современный русский язык : лексикология, фонетика, морфология / В. И. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. – Москва : URSS, 2015. – 407 с. – ISBN 978-5-9710-2645-7.
8. Голуб И. Б. Стилистика современного русского языка : учебное пособие для вузов по спец. журналистика / И. Б. Голуб. – . М.: Высшая школа, 1986. – 336 с.
9. Дарвин Ч. О. выражении эмоций у человека и животных / Ч. О. Дарвин. – Санкт-Петербург : Питер, 2001. – 348 с. – ISBN 5-318-00070-3.
10. Демидова Ю. А. Структурно-семантические особенности эмотивной лексики в современной британской детской литературе / Ю. А.

Демидова, Н. Ю. Сребрянская // Гуманитарные исследования. – 2022. - № 2. С. 112 – 117.

11. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка, толково-словообразовательный. В 2 т. Т. 2 / Т. Ф. Ефремова. – Москва : Русский язык, 2000. – 1084 с. – ISBN 5-200-02802-7.

12. Жельвис В. И. После брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В. И. Жельвис. – Москва : Ладомир, 2001. – 356 с. – ISBN 5-86218-090-7.

13. Изард К. Э. Психология эмоций: учебное пособие / К. Э. Изард. – Санкт-Петербург : Питер, 2006. – 463 с. – ISBN 5-314-00067-9.

14. Ильин Е. П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. – Санкт-Петербург : Питер, 2001. – 752 с. – ISBN 5-318-00236-6.

15. Ионова С. В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: дис. ... канд. фил. наук : 10.02.19. / Ионова Светлана Валентиновна ; науч. рук. В. И. Шаховский ; ВГСПУ. – Волгоград, 1998. – 197 с.

16. Кассиль Л. А. Кондуит и Швамбрания / Л. А. Кассиль. – Москва : АСТ. – 2023. – 414 с. – ISBN 978-5-17-097032-2.

17. Кинцель А. В. Психолингвистическое исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора: монография / А. В. Кинцель. – Барнаул : Изд-во Алтайского университета. 2000. – 151 с. – ISBN 5-7904-0083-3.

18. Кожина М. Н. Стилистика русского языка : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 050300 Филологическое образование / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – Москва : Флинта, 2011. – 462 с. – ISBN 978-5-9765-0256-7.

19. Колосов М. М. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. Повести и рассказы / Колосов М. М. – Москва : Современник. – 1987. – 589 с.

20. Коробкина Н. И. Эмотивный потенциал современных окказиональных новообразований / Н. И. Коробкина // Известия

Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 4. – С. 159 – 163.

21. Кошкарлова Н. Н. Языковые средства выражения эмоций (к вопросу о генерализованной модели эмотивности языка) / Н. Н. Кошкарлова, Е. М. Истомина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2023. – № 3. – С. 7 – 14.

22. Кузнецов С. И. Большой толковый словарь русского языка / С. И. Кузнецов. – Санкт-Петербург : НОРИНТ, 2000. – 1536 с. – ISBN 5-7711-0015-3.

23. Литневская Е. И. Русский язык. Краткий теоретический курс для школьников : учебное пособие / Е. И. Литневская. Москва : Изд-во МГУ. – 2006. – 240 с. – ISBN 5-211-05119-X.

24. Лойтер С. М. в пространстве В. Я. Проппа (Возвращаясь к детским Швамбраниям как явлениям фольклора) / С. М. Лойтер // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия : Общественные и гуманитарные науки. – 2015. – № 3. – С. 82 – 86.

25. Лойтер С. М. «Кондуит и Швамбрания» Льва Кассиля : история текста / С. М. Лойтер // Детское чтение. – 2022. – № 2. – С. 388 – 403.

26. Маслечкина С. В. Выражение эмоций в языке и речи / С. В. Маслечкина // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. - № 3. – С. 231-236.

27. Михельсон М. И. Русская мысль и речь : Своё и чужое : Опыт русской фразеологии : Сборник образных слов и иносказаний. В 2 т. Т. 2. / М. И. Михельсон. – Москва : Терра, 1997. – 792 с. – ISBN 5-300-01135-5.,

28. Азимов Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языка) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – Москва : Икар, 2009. – 448 с. – ISBN 978-5-7974-0207-7/

29. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов. – Москва : Мир и Образование, 2019. – 1376 с. – ISBN 978-5-94666-657-2.

30. Посиделова В. В. Лингвистический и правовой аспекты инвективной лексики русского языка / В. В. Посиделова // Философия права. – 2016. – № 2. – С. 13 – 17.

31. Романов Д. А. Эмоционально-семантические параметры фонетической системы современного русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10. 02. 01. / Романов Дмитрий Анатольевич ; науч. рук. В. К. Харченко ; Новгородский гос. ун-т, им. Ярослава Мудрого. – Новгород, 1998. 23 с.

32. Романов Д. А. Языковая репрезентация эмоций : уровни, функционирование и системы исследований : на материале русского языка : дис. ... д-ра фил. наук : 10. 02. 01, 10. 02. 19. / Романов Дмитрий Анатольевич ; науч. рук. В. К. Харченко ; ТГПУ имени Л. Н. Толстого. – Тула : 2004. – 496 с.

33. Симонов П. В. Что такое эмоция? / П. В. Симонов. – Москва : Наука, 1966. – 96 с.

34. Словарь Л. С. Выготского / ред. А. А. Леонтьева. – Москва : Смысл, 2007. – 78 с. – ISBN 5-89357-169-X.

35. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Назрань: ООО Пилигрим, 2010. – 486 с. – ISBN 978-5-98993-133-0.

36. Соколова Е. Д. Эмотивные высказывания в русской и английской прессе : автореф. дис. ... канд. фил. наук : 10.02.19 / Соколова Екатерина Дмитриевна ; науч. рук. М. А. Кормилицына ; СГУ имени Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2010. – 23 с.

37. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 2. Л – Ояловеть / Д. Н. Ушаков. – Москва : Гос. ин-т Советская энциклопедия, 1935. – 1566 с.

38. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : около 13000 фразеологических единиц / А. И Федоров. – Москва : АСТ, 2008. – 878 с. – ISBN 978-5-17-049014-1.

39. Филин Ф. П. Словарь русских говоров / Ф. П. Филин. – Москва : Наука, 1965. – 306 с.
40. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка : монография / В. И. Шаховский. – Москва : ЛЕНАНД, 2023. – 206 с. – ISBN 978-5-9710-9897-3.
41. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций : монография / В. И. Шаховский. – . Москва : Гнозис, 2008. 416 с. – ISBN 978-5-94244-019-0.
42. Шаховский В. И. Обоснование лингвистической теории эмоций / В. И. Шаховский // Вопросы психолингвистики. – 2019. - № 1. – С. 22 – 34.
43. Шаховский В. И. Типы языковых значений эмотивной лексики / В. И. Шаховский // Вопросы языкознания. 1994. – № 1. С. 20 -25.
44. Шаховский В. И. Эмоции как объект исследования в лингвистике / В. И. Шаховский // Вопросы психолингвистики. – 2009. - № 9. – С. 29 -42.
45. Шаховский В. И. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы : Межкультур. понимание и лингвоэкология / В.И. Шаховский, Ю.А. Сорокин, И.В. Томашева. – Волгоград : Перемена,1998. – 148 с. – ISBN 5-88234-261-9.
46. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. – Москва : Изд-во АН СССР, 1960. – 178 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1

7 класс. Внеурочное мероприятие. Тип: урок развития речи

Личностные результаты:

Духовно-нравственное воспитание: готовность оценивать свое поведение, в том числе речевое, и поступки, а также поведение и поступки других людей с позиции нравственных и правовых норм с учетом осознания последствий поступков; активное неприятие асоциальных поступков, свобода и ответственность личности в условиях индивидуального и общественного пространства; освоение норм и правил общественного поведения.

Метапредметные результаты:

Коммуникативные универсальные учебные действия: воспринимать и формулировать суждения, выражать эмоции в соответствии с условиями и целями общения; выражать себя (свою точку зрения) в диалогах и дискуссиях, в устной монологической речи и в письменных текстах; распознавать невербальные средства общения;

Самоконтроль, эмоциональный интеллект: развивать способность управлять собственными эмоциями и эмоциями других; выявлять и анализировать причины эмоций; понимать мотивы и намерения другого человека, анализируя речевую ситуацию; регулировать способ выражения собственных эмоций;

Предметные результаты:

Объяснять лексическое значение слова; распознавать однозначные и многозначные слова, различать прямое и переносное значения слова.

Конспект:

Здравствуйте, ребята! Предлагаю начать наш урок с небольшого наблюдения. Сейчас посмотрим фрагмент из фильма. Вам нужно внимательно следить за тем, что происходит на экране, какие эмоции испытывают герои, как они их выражают?

Мультфильм: «Коралина в стране кошмаров». Режиссер: Генри Селик.
Фрагмент, где Коралина ругается с «другой» мамой.

Узнали из какого мультфильма этот эпизод?

(«Коралина в стране кошмаров»)

Да вы совершенно правы. Как вы поняли, что происходит сцене, которую мы посмотрели? Какие эмоции проявляются персонажи?

(в сцене происходит конфликт и физическое противостояние между девочкой и взрослой женщиной. Женщина проявляет агрессию и запугивание, девочка находится в гневе, она раздражена)

Верно. А как вы поняли, что герои злятся, мы ведь совершенно не слышим, что они говорят. Какие детали выдают их эмоции?

(У «другой» мамы: брови сдвинуты, глаза узкие, губы сжаты или в жёсткой улыбке, поза угрозы (нависает), резкие и хватательные жесты, плюс внешность становится монструозной. У Коралины: напряжённые плечи, кулаки или руки вперёд для защиты, взгляд исподлобья, резкие движения (отстраняется, топает). Вывод: эмоции можно «прочитать» по лицу, позе и жестам даже без звука)

Представьте: ситуация прежняя, персонажи так же рассержены, но картинку мы не видим, зато слышим их голоса. Какие особенности речи и звучания голоса подскажут слушателю, что человек говорит в состоянии сильного гнева?

Например, если я скажу (спокойно говорит): «Я не согласна – этого мало». Можем ли мы сказать, что я в гневе?

(нет)

Хорошо, но тогда по каким признакам в речи (словам, интонации, громкости) мы понимаем, что человек в ярости?

(Когда человек в ярости, в его речи появляются особые слова и выражения. Во-первых, он начинает использовать грубые, резкие слова, иногда ругательства. Во-вторых, в речи часто звучат угрозы: «Я тебя...», «Ты у меня получишь...», «Ты пожалеешь...». В-третьих, он использует

короткие, отрывистые фразы, часто без «пожалуйста» и вежливых слов: «Замолчи!», «Уйди!», «Не смей!». Ещё могут появляться обвинения в адрес другого человека: «Это ты виноват!», «Вечно ты...», «Ты специально...». И ещё он может повторять одно и то же слово или фразу несколько раз, как заевшая пластинка)

Сегодня мы поговорим о том, какую же лексику используют люди во время гнева, зачем они ее используют и можно ли избежать грубостей в речи, когда, как нам кажется, мы не можем себя контролировать.

А ответы мы будем искать в художественной литературе: в автобиографических, детских повестях Льва Абрамовича Кассиля (1905 - 1970) «Кондуит и Швамбрания» и Михаила Макаровича Колосова (1923-1996) «Три куля черных сухарей». Знакомы ли вы с этими писателями и с их произведениями?

на слайдах фотографии авторов и их даты жизни

А теперь перейдём к повести, которая была написана раньше, — «Кондуит и Швамбрания» Льва Абрамовича Кассиля. Это автобиографическая книга, где писатель рассказывает о детстве. Посмотрите, пожалуйста, на слайд: на нём указаны годы — 1914 и 1931. Свидетелем каких событий мог стать Лев Абрамович и о каких из них он мог бы написать?

(Первая мировая война, революция, Гражданская война)

Да вы правы, именно на эти события пришлось детство братьев Лельки и Оськи.

А вот у Михаила Колосова события разворачиваются с 1930 – 1941 годы в шахтерском посёлке Донбасса. Главный герой – мальчик Вася Гурин – взрослеет в непростое время: отца мальчика убивают кулаки в период коллективизации (на слайде определение, кто это и что такое коллективизация), посёлок переживает голодный, неурожайный год; выпускной мальчика приходится на 21 июня 1941 года. Что случилось 22 июня в 1941 году?

(Началась Великая Отечественная война)

Да, вы правы, на следующий день после выпускного Вася идет в военкомат, чтобы отправиться на фронт, защищать свою Родину.

И ведь представьте, все это происходит в первой половине XX века. Как вы думаете, какие эмоции и чувства могли испытывать люди, в такие непростые годы для нашей страны и народа?

(дети высказывают свои предположения)

Давайте обратимся к повести Льва Абрамовича Кассиля. У повести интересное название – «Кондуит и Швамбрания»:

«Швамбрания» – это название страны, которую придумали братья Лелька и Оська. Как вы думаете, для чего ребята ее придумали?

(Скорее всего, братья придумали Швамбранию, потому что в реальной жизни им было трудно, скучно или обидно. Дети часто выдумывают свои миры, где можно спрятаться от проблем или где всё происходит по их правилам)

Да вы совершенно правы, ребята сбегали из реальности, в которой им не было места. Но вот, что такое «кондуит», можете предположить? *Можно дать подсказку, но все равно выводим определение на экран* Чтобы узнать значение слова, куда мы обращаемся?

(в толковый словарь)

«Кондуит (уст.) – в учебных заведениях России до 1917 г.: список, журнал с записями о поведении и проступках учащихся» [22. с. 448].

Есть ли сегодня у нас такой журнал? Раньше правила для гимназистов были строже, чем у сегодняшних школьников *Выводим на слайд*. Посмотрите на слайд, есть ли что-то из этого, что по сегодняшний день сохранилось в современной школе?

А были ли какие-то различия в взаимоотношениях между гимназистами и учителями, как вы считаете?

Как вы думаете, как учителя относились к детям?

(дети высказывают свои предположения)

Давайте прочитаем небольшой эпизод из повести Льва Абрамовича и подумаем: какие эмоции испытывают персонажи в этой сцене, какие слова используют герои и какую оценку (характеристику) эти слова несут?

«Инспектора Николая Ильича Ромашова гимназисты почти любили. Это был красивый, плотный человек. Волосы ершиком. Темные прищуренные глаза. Языкаст он был, однако, до грубости.

И у него были свои собственные методы воспитания. Если, например, какой-нибудь класс совершал коллективное преступление или не хотел выдать виновных, Ромашов являлся туда после уроков. Ой медленно входил в класс и становился перед вытянувшимися гимназистами. Затем, высоко задрав голову, оглядывал класс. Борода его, казалось, мела нас по головам.

— Дежурный, — спокойно-зловеще говорил инспектор, — а ну-ка, дежурный... закрой дверь. Тэ-э-эк-с.

Дежурный плотно закрывал дверь. Гимназисты, проголодавшиеся и уставшие после пяти уроков, стояли не шелохнувшись. Ромашов продолжал разглядывать класс сквозь бороду. Потом он вынимал из кармана книгу, садился за кафедру и углублялся в чтение. Класс стоял. Десять минут. Полчаса...

Просидев так с часик, инспектор вдруг откладывал книгу в сторону и негромким, но звучным баритоном начинал спокойно отчитывать:

— Ну-с! Что, болваны? Доостолопились, хулиганы, брандахлысты, голубятники?! У-у, «хохландия»!.. Голодранцы! При всей честной гимназии ошельмую, головотяпы! Шарлатаны! Галахи! Лодыри! Эй, чей это там дурацкий затылок? А-а, это твой, Гавря? Я, кстати, ведь и о тебе говорю. Чего рожу воротись? Сам — первейший оболтус! Ну, что? Стыдно небось, обормоты? Мерзавцы! Оборванцы! Я еще доберусь до вас, прохвосты. Сидите вот теперь всем классом без обеда. А дома-то обед ждет. Щи горячие. Говядина жареная. Дух идет. — И инспектор щелкал языком и крутил носом. — Что? Хочется жрать? То-то и оно-то. А дома еще батька зад взгреет. Обязательно. Я записку специальную пошлю: спустите, дескать, вашему сыну штаны и

всыпьте ему в задний конduit по первое число... Нечего смеяться, лоботрясы. Шалопаи! Го-ло-во-ре-зы! Безобедники! Срам!

И, поговорив так около часа, отпускал домой. По одному, с промежутками. Нас уже не держали ноги» [16. с. 104-105.].

Итак, давайте сначала разберёмся в сути этого эпизода. О чём в нём идёт речь и какие события разворачиваются перед нами?

(В этом эпизоде описывается, как инспектор Ромашов наказывает целый класс, который совершил коллективный проступок или не выдал виновного. Он приходит после уроков, велит закрыть дверь и заставляет всех стоять около часа, а сам сидит и читает. Затем он начинает отчитывать гимназистов обидными словами, стыдит их, говорит, что они пропускают обед и что дома их накажут)

Мы видим, что в этом эпизоде один человек действует, а остальные только вынуждены подчиняться. Так кто же здесь главный, активный участник, а кто — пассивные, безмолвные слушатели?

(пассивные – школьники, активный - инспектор)

Итак, какие эмоции доминируют в речи?

(гнев, злорадство, презрение, удовольствие)

Почему вы так решили, с помощью, каких языковых средств?

(оскорбления, бранная лексика междометия, угрозы, он говорит обрывками – маленькие предложения, состоящие из маленького количества слов, восклицания)

Как бы вы охарактеризовали лексику: положительная, нейтральная или негативная?

(сплошь негативная: оскорбления, угрозы, сниженная лексика).

Как вы считаете, этот человек намеренно использует такую лексику или он просто настолько охвачен гневом, что перестаёт себя контролировать? Почему вы так думаете?

(Он зол, но использует такую лексику намеренно, чтобы наказать детей таким образом. Он даже слово «головорезы» произносит по слогам, т.е. наслаждается соевой властью)

Некоторые люди склонны во время агрессии повторять одни и те же слова, есть ли, повторяющиеся слова в речи инспектора, и ответьте почему?

(почти каждое оскорбление — новое. Это говорит о том, что инспектор не «застревает» на одном слове, а нарочно подбирает всё новые и новые унижительные названия. Значит, он контролирует свою речь и действует осознанно, а не просто выплёскивает гнев)

*выводим определения некоторых оскорблений из словарей.

Посмотрите на слайд, на нем даны значения некоторых слов. Зачастую рядом со словом в словарной статье, есть словарная помета, какая у нее функции и какие виды их могут быть?

(указывает на сферу употребления; устаревшее, книжное, разговорное, бранное, просторечная)

Посмотрите внимательно на эти слова, какие у них словарные пометы?

«ОБО́ЛТУС, Разг.-сниж. О человеке глупом, бестолковом, неотесанном, неспособном побудить себя к деятельности; бездельник» [22. с. 717].

«ОБОРВА́НЕЦ, Разг. Тот, кто ходит в изорванной, изношенной одежде» [22. с. 719].

«МЕРЗА́ВЕЦ. Разг. Употребляется как бранное слово» [22. с. 640].

(разговорные, сниженные)

Стоит ли их употреблять в нашей речи, например, в школьной среде, с родителями?

(нет)

Что лексика инспектора (те слова, которые он употребляет по отношению к гимназистам) может нам рассказать о самом инспекторе, какое у него отношение к ученикам?

(Лексикон можно сказать его отражение. Он выдает в инспекторе жестокого, некультурного человека. Для него унижение других стало

привычкой, об это могут говорить его разнообразные оскорбления, чтобы посильнее обидеть группу детей)

Обратите внимание на словосочетание «первейший оболтус». От какого слова образовано слово «первейший»

(Числительное первый)

Ну так быть первым это ведь хорошо, почему слово «первейший» инспектор использует, как оскорбление?

(усиливает значение того слова, к которому относится. Если сказать «первейший умница» - похвала. Но, если мы скажем «первейший оболтус» - главный болван из всех)

Заметьте, и среди всех оскорбительных лексем, инспектор использует слово «голубятники», кто это?

(тот, кто разводит голубей).

Посмотрите на значения, которые приведены на слайде:

«I. Тот, кто держит, разводит голубей; II. разг. Помещение для домашних голубей, обычно устраиваемое на крыше, на чердаке дома; голубятня III. Ловчая птица - ястреб, сокол - для охоты на голубей» [22. с. 214].

Можем ли хоть одного из этих значений подходить к нашему контексту?

(дети высказывают свои предположения)

В русском языке, многие слова в контексте могут совершенно менять свое значение и многие не зафиксированы в толковых словарях, но мы можем понять по контексту его значение?

Если человек в отношении другого использует слово «голубятник» как оскорбление, то какое же оно несет значение?

(в речи инспектора слово «голубятник» - можно назвать оскорблением. Такого человека интересуют лишь голуби и больше ничего)

Да вы совершенно правы, мы то же самое можем попробовать со словом «солнце».

Посмотрите на примеры:

- *Солнце светит и мне хорошо*

- *Ты мое солнце*

Одинаковое ли значение слова «солнце» в этих двух примерах или есть разница?

Такие слова мы можем называть эмоционально-нагруженными, потому что человек в порыве ярости, даже самое нейтральное слово может использовать как оружие.

Как вы считаете, что почувствовали гимназисты, когда это слушали? А, что чувствовал инспектор после того, когда вышел из класса?

Как вы думаете, добился ли инспектор своей цели? Станут ли дети после таких слов («болваны», «голодранцы») лучше учиться, уважать и не совершать проступков?

(дети высказывают свои предположения)

Но ведь герой повести Колосова - Василий Гурин из повести Колосова «Три куля черных сухарей» тоже учиться, но не в гимназии, а в обычной школе, как вы думаете, будут ли в это повести у детей конфликты со взрослыми?

Давайте прочитаем отрывок. Ваша задача понять, что случилось в этом эпизоде, какие слова выбирают персонажи для выражения своего гнева или в оценке других героев и их действий.

ЭПИЗОД

«Васька схватил двумя руками стенгазету, сорвал со стены, стал остервенело шматовать ее на мелкие куски, потом бросил на пол и, потоптав ее ногами, пошел в класс.

На первой же перемене из школы никого не выпустили, всю смену выстроили в коридоре, как тогда, когда был траурный митинг. Разъяренная Ребрина стояла на середине, потрясала ошметками стенгазеты и угрожающе говорила:

— Кто-то злостно сорвал и растоптал стенную газету. Тяжкое преступление это черным пятном ложится на всю школу. Так может поступить только враг. Но мы понимаем, что здесь не все враги, и тот, кто это сделал, должен иметь мужество признаться, чтобы не ложить пятно на всех.

– Так кто же это сделал? – в который раз вопрошала Ребрина, обходя затихшие ряды учеников и заглядывая каждому в глаза. – Не хватает мужества признаться? Да, враг всегда труслив, исподтишка действует!.. Кто это сделал? Последний раз спрашиваю!

– Я... – сказал он, не поднимая головы.

По рядам прошел гул удивления.

– Ты? – первым подал голос Григорий Иванович. – Зачем же ты?.. – искренне огорчился он.

– Гурин? – Это подал голос директор и тяжело вздохнул.

– За-зна-лся!.. – протянул ядовито кто-то из девчонок.

– Наконец-то ты раскрыл свое настоящее нутро, – закончила с облегчением Ребрина.

Также не поднимая головы, ни на кого не глядя, Васька повернулся и медленно направился к выходу.

– Гурин, вернись!.. – Голос у директора был на пределе – он никогда так не кричал.

Васька остановился, кто-то взял его за плечо и повел в директорский кабинет.

— Зачем ты это сделал, Гурин? – спросил директор, вытирая лысину платком.

Васька повел глазами, увидел ноги Ребриной – она была здесь.

– Не знаю...

– Что тебя толкнуло на это? Была же какая-то причина.

– Не знаю...

– Да что тут спрашивать? – подала голос Ребрина. – Он себя раскрыл полностью. Таким не место...

– Что раскрыл? Что раскрыл? – Впервые Васька поднял глаза и посмотрел на Ребрину.

– Погодите вы... Галина Васильевна... – остановил Ребрину директор и обратился снова к Ваське: – Так просто ничего не бывает... Что-то же тебя толкнуло на этот поступок?..

В кабинет вошел Григорий Иванович, остановился у двери.

– Может быть, ты мне не хочешь сказать, так вот Григорию Ивановичу... Его, я знаю, ты любишь... Может, ему скажешь? Мы выйдем.

– Это она все, – кивнул Васька резко головой в сторону Ребриной. – В комсомол не пускает... Поручения дает такие, чтобы шпионить за другими и ей доносить... Теперь начала этими стихами попрекать...

– Отговорки! – прикрикнула Ребрина.

– Помолчите... Но зачем же вымещать накипевшее на стенгазете? Ты понимаешь, что ты натворил? – спросил директор.

Васька кивнул.

– Ну и как же теперь?

– А никак... Я и жить больше не хочу и не буду... Кругом я виноват, все у меня неважно... Пойду на путь... – Васька не сдержался, крупные слезы покатались по щекам.

– О! – протянула Ребрина. – Он еще и запугивает, клеветник!..

– Да помолчите вы! – не выдержал директор. – Идите, займитесь своими делами. Мы тут сами разберемся.

Ребрина дернула нервно головой:

— Хорошо! Но я это так не оставлю, Евстафий Станиславович! — И она вышла.

Наступила долгая пауза.

— Это не дело, – проговорил как бы про себя директор. – Это не борьба – голову на рельсы. Будто страшнее Ребриной и зверя нет. А, Григорий Иванович?

— Да, решение не самое мудрое, — согласился с ним Черман. — У меня сейчас нет уроков, разрешите мы с Гуриным пойдем в библиотеку и там поговорим?» [19. с. 218 – 220]

Какие слова подбирает Ребрина в адрес того, кто сорвал газету?

(враг, трусливый, исподтишка действует)

Кто такой враг, можем ли назвать школьника врагом? Главный герой в действительности совершил тяжкое преступление?

(тот, с кем враждуют, противник; школьник, даже если он очень плохо поступил, не может быть врагом. Это просто ребенок, который совершил ошибку)

«Тяжкое преступление», «враг» - почему Ребрина использует такие слова для небольшого проступка? Что она хотела сделать с помощью этих слов?

(Она хочет запугать детей и поделить на два лагеря: один Ребрина и дети, а второй – виновник, предатель. Тем самым настраивает детей против одного)

Если бы Ребрина сказала спокойно: «Кто-то испортил газету. Так некрасиво поступил, давайте разберёмся», что изменилось бы? Признался ли тогда Вася?

(дети высказывают свои предположения)

Ребрина говорит, что враг действует «исподтишка». А как сказать это же самое нейтральными, необходимыми словами? (Например: «тайком», «скрытно»). Почему Ребрина выбирает именно грубое слово «исподтишка», а не нейтральное «тайком»?

(«Тайком» — просто, чтобы никто не увидел. А «исподтишка» — будто человек сделал что-то очень подлое и трусливое. Ребрина выбирает грубое слово, потому что ей важно не сообщить факт, а оскорбить и выставить виноватого подлым человеком)

Одна из девочек говорит про Ваську: «За-зна-лся!». Что значит это слово? Когда так говорят про человека? Соответствуют ли это слово действию Васи?

(Это значит, что человек вообразил себя лучше других, перестал их уважать, ведет себя высокомерно, «задирает нос»; Васька не зазнался. Он не

сказал: «Я лучше вас». Он просто сорвал газету от отчаяния, обиды и боли. Она использует слово не в том значении, которое оно имеет)

Ребрина называет Ваську «клеветником». А что на самом деле сделал Васька? Соврал он или сказал правду про Ребрину? Если он сказал правду, то почему Ребрина использует слово «клеветник»? Чего она хочет добиться?

(Васька сказал правду, но Ребрина называет его клеветником, потому что не хочет признавать свою вину. Она защищает таким способом себя)

Если Ребрина называет проступок Васьки «преступлением», то как директор реагирует на эту же ситуацию?

(Директор говорит «не дело». Он не преувеличивает, не ругается, не кричит. Он видит в Ваське не врага, а ученика, который совершил ошибку. Директор хочет не наказать, а понять, почему так вышло, и помочь исправиться.)

Как вы считаете, кто прав в этой ситуации: Ребрина или директор, ведь Вася совершил проступок и признался в нем, а значит он виноват в содеянном?

(Ребрина проявляет жестокость по отношению к ребенку, а вот директор относится с пониманием и пытается разобраться в ситуации).

(А теперь давайте сравним поведение инспектора Ромашова из повести Кассиля и директора Евстафия Станиславовича из повести Колосова. Оба — взрослые, оба находятся в конфликтной ситуации с учениками. Но как по-разному они реагируют на проступок? Чем отличается их отношение к детям и какие слова они для этого выбирают?

Инспектор Ромашов унижает целый класс, хотя виноват, возможно, один. Он использует бранные слова: «болваны», «мерзавцы», «оболтусы», угрожает, насмехается над голодными детьми и получает удовольствие от своей власти

Директор из повести Колосова ведёт себя иначе. Когда Васька признаётся в проступке, директор не кричит и не оскорбляет. Он спокойно спрашивает: «Зачем ты это сделал?», «Что тебя толкнуло?». Он называет поступок «не делом», а не «преступлением». Директор видит в ученике не врага, а ребёнка, который ошибся, и хочет понять причину).

Итак, давайте подведем итог нашего урока

С помощью каких языковых средства, люди выражают свои эмоции?

(бранная, разговорная лексика, усилительные прилагательные, эмоционально-нагруженные слова)

Рефлексия:

Мы проанализировали два эпизода, в которых, не сдерживая свою ярость, выплескивают ее на окружающих, используя разные речевые средства. Могут ли они чего-то добиться этим, изменится ли что-то? Каково приходится человеку, в адрес которого летят непристойные слова, не соответствующие действительности?

Как вы считаете, как можно справиться со своим гневом?

Ребята, сегодняшний урок очень важен. В жизни вы часто будете сталкиваться с ситуациями, когда злитесь сами или кто-то злится на вас. Но не нужно опускаться до оскорблений. Запомните простое правило: прежде чем сказать грубость или обидеть другого, поставьте себя на его место. Если вам было бы обидно и неприятно, значит, и ему тоже. Важно думать о чувствах других людей тоже и если вы будете меняться сами, то и другие тоже.

Домашнее задание:

На выбор

Составьте короткую речь (3–5 предложений):

1) От имени инспектора школы, который делает выговор ученикам за плохое поведение. Используйте опорные слова: совесть, господа, благородно, прошу, честь гимназии, не пристало, достоинство, буду вынужден, опомнитесь.

2) От имени Ребриной, которая пытается найти виновника. Используйте опорные слова: товарищи, совесть, честь школы, опомнитесь, достоинство, стыдно, не пристало.